

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

БРАТ МОЙ, ВРАГ МОЙ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев
Брат мой, враг мой

«ЭКСМО»

2013

Колычев В. Г.

Брат мой, враг мой / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2013 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

ISBN 978-5-699-63420-0

Закадычных друзей Алика, Виктора и Юрку жестоко избили бандиты. Парни решили отомстить обидчикам, а заодно и освободить жителей города от криминального ига. Они достали оружие и стали отстреливать бандюков, причем весьма успешно. Друзья почувствовали силу, опьянели от безнаказанности и со временем из местных робин гудов сами превратились в матерых бандитов, держащих в страхе всю округу. Они крышевали бизнесменов и процветали. Но в один прекрасный день Виктор предал «братву». Он и его возлюбленная выкрали общак и скрылись. Алик и Юрка были в бешенстве, они решили во что бы то ни стало наказать друга...

ISBN 978-5-699-63420-0

© Колычев В. Г., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Колычев

Брат мой, враг мой

Часть первая

Глава 1

Вечер, оранжевый диск солнца гигантским колобком катился по макушкам сосен. Двигатель старенького мотоцикла натужно ревел, но все-таки справлялся с весом трех седоков. Дорога от озера не долгая, но тряская, и ехать по ней удовольствия мало. И все-таки настроение было отличное. Вода в озере оказалась на удивление теплой и чистой – Виктор с друзьями накупался вдоволь. Да еще и бутылочку крепленого вина на троих сообразили. А сегодня Костя Сомов долг должен отдать, можно будет взять еще пару пузырей и что-нибудь пожевать, а потом на дискотеку, и в отрыв...

– Пердец! Сука! – заорал, перекивая ветер, Алик.

Он управлял «Явой», а на него надвигалась машина с включенными фарами. Из-за его плеча Виктор видел, как она взяла в сторону, чтобы Алик не смог ее объехать. Машина серьезная, джип, и «морда» у него страшная, агрессивная, зубастая. Еще и этот слепящий свет фар.

Алик попытался сманеврировать, но водитель джипа никак не позволял сделать этого, и у него не осталось иного выхода, как съехать с дороги. И хорошо, что за обочиной не было канавы, иначе бы им всем троим кубарем лететь с перевернутого мотоцикла. А так «Ява» всего лишь легла на бок вместе с седоками. Виктору придавило ногу, и еще он больно стукнулся локтем о лежащий в траве камень. А ведь мог удариться об него и головой.

– Твою мать! – ругался Алик, выбираясь из-под заглохшего мотоцикла.

Юрка ничего не говорил. Он молча выбрался из-под мотоцикла и люто глянул на остановившийся джип. С той же злобой смотрел на своих обидчиков и Виктор. И нога у него болела, и рука, но это не мешало ему крепко сжимать кулаки.

Водитель джипа остановился вовсе не для того, чтобы помочь пострадавшим по его вине, а с целью покуражиться над потерпевшими. Их было четверо – три крепких на вид парня и девушка с короткой стрижкой. Красивая девушка, но не симпатичная. А какую симпатию могла вызвать ее пренебрежительная ухмылка, с которой она смотрела на Виктора? Худенькая, стройная, черные джинсы в обтяжку, кожаная жилетка поверх белой футболки.

– Ну, ты, тварь, чего скалишься! – заорал на нее Алик, потирая отбитое плечо.

– Ты кого тварью назвал? – возмутилась девушка.

Она не повышала голос, но слышно ее было хорошо. Звучный, объемный, он мог бы показаться приятным для слуха, если бы не злость, с которой смотрел на нее Виктор.

– Тебя он тварью назвал! – пробасил Юрка.

Так же, как и Виктор, он понимал, с кем имеет дело. И страшно ему так же. Только вот обиду свою он прощать не собирался. Не из тех Юрка людей, кто позволяет издеваться над собой безнаказанно.

– А я тогда кто? – расправляя плечи, спросил водитель.

И на нем кожаная жилетка, только наброшенная на голый торс. Руки у него сильные, и он нарочно поигрывал накачанными бицепсами. Жилетка расстегнута, а под ней такие же мощные грудные мышцы и рельефный живот. Дружки тоже ему под стать – крупные, накачанные.

– А ты – урод! – не остался в стороне Виктор.

Столь внушительной мускулатурой он похвастаться не мог, но и хиликом его не назывешь. Рост за метр восемьдесят, в меру развитые плечи, сильные руки, крепкие кулаки. И не дурак подражаться.

– За базар отвечаешь? – хищно сощурился парень.

– Отвечаю.

– Ну, тогда подойди поближе!

– А ты думаешь, я сочкану! – со всей решимостью направился к нему Виктор.

И Юрка шагнул вслед за ним. Перепрыгнул через свой мотоцикл и Алик.

Веселое настроение было у братков по пути к озеру. Может, косячок на троих взорвали, а может, перед шлюхой своей решили порисоваться, вот и наехали на встречного мотоциклиста. Причем сделали это, считай, в прямом смысле слова. Даже остановились, чтобы продлить удовольствие, издеваясь над потерпевшими. Они же бандиты, их все боятся, поэтому никто не должен и не может сказать и слова поперек. Но Виктор набрался смелости бросить им вызов, а Юрка и Алик его поддержали. Превозмогая свой страх, они пошли к своим обидчикам. Возможно, шли на смерть. Ведь им всего по восемнадцать лет, сопляки еще по сравнению с бандитами, ведь у которых, помимо кулаков, могло быть куда более серьезное оружие. Неудивительно, что их спутница смотрела на Виктора с удивлением. И губы ее готовы были скривиться в презрительной улыбке, если бы смелость ребят улетучилась и они задали стрекача.

Но Виктор не остановился, пока из пыльной травы не вышел на дорогу. Это был смелый поступок, который не мог остаться безнаказанным. Браток встретил его веселой улыбкой и мощным ударом с ноги.

Драться Виктор умел, поэтому среагировал на удар, подставив под него руку, да только заблокировать не смог – слишком уж мощно бил бандит. Его спасло только то, что вместе с блоком он развернулся боком к направлению удара, поэтому пятка вскользь прошла по животу. И еще хорошо, что бандит был в шлепках, которые скинул перед тем, как ударить.

И все-таки было больно. К тому же вслед за первым ударом тут же последовал второй – кулаком в голову. Виктор снова подставил руку, но это лишь слегка ослабило удар. Из глаз посыпались искры, носоглотка наполнилась тошнотным вкусом ржавчины, и голова сильно закружилась. Но Виктор смог ударить в ответ, и его кулак скользнул по челюсти противника. Правда, это было все, чем он мог огорчить бандита. Очередной удар оказался настолько мощным, что сознание вдруг скрутилось в тугую жгут и смерчем взмыло в темную бездну небытия...

В чувство его привел Юрка. Он стоял перед ним на коленях и ладонями несильно шлепал по щекам. На переносице у него шишка, губа разбита, щека счесана, карман на рубашке оторван. Значит, и ему досталось. Но все страшное уже позади. Бандиты исчезли вместе с машиной. Юрка жив, и с Аликом все в порядке, если он держит Виктора за голову, чтобы она не лежала на земле.

– Уймись! – скривился и от возмущения, и от боли Виктор. Не нравилось ему, что его хлещут по щекам. И еще голову пронзила острая боль, когда он открыл рот. Похоже, челюсть выбита.

– Уф! Очнулся! – облегченно вздохнул Юрка.

– Мы думали, все! – обрадовался и Алик.

– Где эти уроды? – спросил Виктор, стараясь не раскрывать рот широко. Но все равно слова отозвались болью, хотя и не столь острой.

– Да укатали. Нам навалили и укатали, – с тоской отозвался Алик.

Виктор оторвался от земли, сел и повернулся к нему. Алику тоже досталось не слабо – нос распух от сильного удара, подбородок в крови, бровь сильно рассечена. Футболка грязная – похоже, его катали по земле, пиная ногами. Но ведь могло быть и хуже.

– Но я одному все-таки разок вломил! – похвастался Алик.

– Одного разка маловато будет, – зло процедил сквозь зубы Юрка. – Надо было так бить, чтобы они кровью захлебнулись...

– После драки кулаками не машут.

– А тут не драка. Тут беспредел. За такие дела «ответку» давать надо.

– Без вариантов, – кивнул Виктор.

– Это же лиговские, – озадаченно поскреб пальцами затылок Алик. – Они же нас в дерьмо смешают...

– Уже смешали, – угрюмо буркнул Юрка.

– Да, но не подтерли. А могут подтереть. У них «волыны», если что, они нас в пять секунд зачистят. Да и без «волын» могут. Пустят в замес и будут «мочить», пока в землю не втопчут...

– Хорош каркать! – глянув на Алика, скривился Юрка.

– А кто каркает? Что было, то и говорю!

– Еще не было.

– Было! Как сейчас было, так и потом будет. Загнут вас раком и будут вставлять, пока не сдохнете!

– Нас?! А тебя? Ты что, не с нами?

– Да нет, я с вами, – растерянно хлопнул глазами Алик.

Он был не таким сильным и рослым, как Юрка, и смелости в нем поменьше, но все-таки старался держать марку при любых обстоятельствах. И еще он очень боялся прослыть трусом.

– Так в чем дело? – давил на него обозленный Юрка.

– Да ни в чем... Просто с лиговскими лучше не связываться...

– Откуда ты знаешь, что это лиговские? – спросил Виктор.

Голова болела, отбитая челюсть саднила, под горлом стоял тошнотный ком, но жить можно. И разговаривать тоже.

– Так это, видел одного. Там на повороте с московской трассы кафе, где лиговская братва тусуется. Я одного видел, ну, который с большими ушами и в шортах...

– А что за «телка» с ними?

– Я откуда знаю? – пожал плечами Алик.

– Да «плечевая» какая-нибудь, – презрительно хмыкнул Юрка. – У лиговских этого добра навалом.

Сколько помнил себя Виктор, поселок Лиговский всегда считался бандитским. У них в Заполье были свои движения, пацаны дрались между собой – стенка на стенку, улица на улицу, но не до такой степени, как это было в Лиговском. Там не просто дрались, там били смертным боем. И убивали. Город полнился слухами о кровавом беспределе в этом поселке, пацаны боялись туда ездить, а если вдруг лиговские появлялись на дискотеке в Заполье, то местные просто разбежались. К счастью, Лиговский находился довольно далеко от города, километрах в тридцати, поэтому поселковские отморозки были здесь явлением редким. Хотя и очень известным.

С началом девяностых годов лиговская братва обрела новый статус. Закончилась бесполовая поножовщина, в поселке появился человек, который объединил под собой местных бандитов и сделал их грозной силой. Лиговские оседлали дорогу, что шла на Москву, – собирали дань с дальнобойщиков, снабжали их травкой и дешевыми проститутками. И еще в районе Лиговского время от времени бесследно исчезали фуры с дорогим товаром. Мафия там серьезная, и, в принципе, Алик был прав в том, что с ними лучше не связываться.

– Не похожа она на «плечевую», – покачал головой Виктор.

Слишком уж красивой была бандитская подружка, чтобы отдаваться дальнобойщикам за копейки.

– Ну, может, и не «плечевая»... – пожал плечами Алик. – Вон Танька Мальцева в Москве работает, «мохной» торгует. Она не говорила, но я слышал, что ее лиговские «крышуют». У них там, в Москве, свои точки...

– Не знаю, – отмахнулся Виктор. Он был страшно зол на бандитскую спутницу, но при этом не хотел, чтобы она оказалась шлюхой. Сам не понимал почему. Не понимал, но смутно догадывался. Поэтому и предположил вслух: – Может, она с кем-то из братвы кентуется.

– А тебе не все равно? – насмешливо глянул на него Юрка.

– Да клевая «телка».

– Может, отбить ее у этих козлов? – осклабился Юрка.

– И дальше что? – с интересом взглянул на него Виктор.

– Ну, сами с ней захороводим...

Казалось бы, бандитская подружка не заслуживала иного, кроме как пренебрежительного к себе отношения, но Виктор вдруг разозлился.

– Ну, давай, поехали! – взвился он. – Алик, подымай свой драндуль!

– И куда ты разогнался? – озадаченно спросил Юрка.

– Так на озеро поедem. Они же туда купаться погнали. Козлов утопим, а «телку» погулять выведем.

Это была чистой воды провокация. Спору нет, Юрка – крутой пацан, нахальный, напористый и мощный, но Виктор нутром чувствовал, что не пойдет он сейчас против бандитов. И неважно, что первым волну на них поднял именно он. Юрка хотел отомстить бандитам за свое поражение, даже в бой рвался, но прямо сейчас взять рогатину и пойти на дикого медведя не решится. Он же должен понимать, что не по Сеньке шапка.

– Эй, ты чего? – заметно растерялся Юрка. – Нельзя так сразу. Подготовиться надо. У них стволы, и мы со стволами должны быть... Стволы достанем, тогда...

– Где ты стволы достанешь? – насмешливо спросил Виктор.

Он и сам понимал, что им не по силам разломать тот воз, что проехался по ним. Но ведь Юрка всю сотрясал воздух, а тут вдруг на кусты засматриваться стал – в поисках укрытия.

– Ну, пока не знаю...

– А ты стволы у них видел?

– Ну, нет... Но должны быть. Это же лиговские. У них там все серьезно... Ты что, думаешь, у меня очко играет? – напыжился вдруг Юрка. – Хрена с два! Я с этих козлов реально за беспредел спрошу!

– Но не сейчас, – усмехнулся Виктор.

– Не сейчас...

– Да хватит вам колотиться, – хитро улыбнулся Алик.

Он и сам уже понял, что Юркины угрозы – беспомощный всплеск эмоций. Ну не настолько он идиот, чтобы с голыми руками идти против грозной лиговской братвы. Это даже хуже, чем с десятиэтажного дома вниз головой выпрыгнуть. Там хоть вмиг умрешь, а лиговские могут устроить мученическую смерть. Привяжут к дереву, распорют брюхо, и будешь смотреть, как по твоим кишкам ползают жирные мухи. Про лиговских столько всяких ужасов рассказывали, что жуть берет. А слухи, как известно, на пустом месте не рождаются... Нет, с этими нелюдями лучше не связываться. И Алик радовался, что не зря отговаривал Юрку от столь рискованной, а потому и глупой затеи.

– А никто не колотится! – озлобленно глянул на него Юрка. – Это реальный разговор, понял?

– Так никто и не спорит, – кивнул Алик, пряча в кулак едкую усмешку.

– Давай, заводи свой драндуль! – распорядился Виктор, кивком головы показав на лежащий в репейнике мотоцикл.

Домой надо ехать, раны зализывать. А о лиговских нужно забыть, как о дурном сне. Юрка понимал, что не потянет против них, потому и злился. Что ж, сегодня у него будет возможность сорвать свое зло на Косте, если тот вдруг не вернет деньги. Выбьет из него долг и успокоится. И еще «бормотуха» будет, чтобы напиться и забыться...

Глава 2

Знойная женщина – это красивая, горячая и страстная, искушенная в любви женщина. А если короче, то мечта мужчины. Возможно, даже идеал, который существует исключительно в его воображении. А на самом деле – это жирная потная Сонька. Она, конечно, знойная баба, но вовсе не мечта, скорее наоборот.

Но, в общем-то, не все так плохо. Сонька сама затащила его к себе домой, напоила коньяком, уложила в постель. Да, жирная она, и жаром от нее пышет, но вот сейчас она лежит на спине, складки на животе разгладились, и смотреть на нее даже приятно. И еще в комнате у нее кондиционер холод нагоняет, после жаркого секса это самое оно. Грудь у нее пышная, но мягкая, поэтому студнем растеклась по телу, зато соски красивые и сочные, как ягоды.

Вроде бы и не шлюха она, жила себе тихо вдаль от основных движений, никто про нее ничего не знал, а потом вдруг на дискотеку с подружкой приперлась, там Юра ее по пьяной лавочке и «снял». Улыбалась она ему тогда многообещающе, но сбежала от него, когда он полез к ней под юбку. Он тогда на ногах после выпитого еле стоял, куда уж за ней гнаться. Да и не петух он, чтобы за курицами бегать.

А сегодня утром случайно встретил ее на улице, узнал, заговорил, и она сама потащила его к себе домой. Квартира у нее знатная, четырехкомнатная, с золотистыми обоями на стенах, мебель дорогая, японский телевизор с видиком. И еще кондиционеры во всех комнатах. Предки ее бизнесом занимались, магазины у них продуктовые в городе. Одним словом, кучеряво люди живут. Это его родители прозябают в нищете в своей заплесневелой однушке, а здесь все, как в лучших домах. Аж завидно.

Нет, Соньке никогда не стать девушкой его мечты. Зато у нее так здорово, что и уходить не хочется. Сейчас бы ванну с пеной принять, надеть барский халат, сесть в гостиной комнате с сигарой в одной руке и бокалом коньяка в другой, включить видик, посмотреть качественный боевичок. А там и порнушку можно крутнуть, чтобы снова захотелось. Не пропадать же добру, в смысле, Соньке. Хоть она и не хороша собой, но все-таки приятно ощущать себя мужчиной. Хоть и далеко ей до идеала, но ведь лучше, чем она, у него женщин, в общем-то, и не было. Одна только Инка была красивее, но так ей уже за тридцать, да и затаскана она до безобразия...

– А твоих предков точно до вечера не будет? – с ленцой баловня судьбы спросил он.

– А ты что, боишься? – не без ехидства в голосе отозвалась Сонька.

– Я никого не боюсь, – пренебрежительно усмехнулся Юра.

Может, и не долго прожил он на этом свете, но пока что никто не мог упрекнуть его в трусости. Он и обидчикам своим физиономии чистил, и ментам хамил без страха и упрека. А приводы у него были, потому что характер буйный и кулак тяжелый. Один раз даже всерьез посадить хотели, за хулиганство, он тогда почти неделю в КПЗ провел. Хорошо, следовательно нормальный попался, дело замял, чтобы судьбу парню не губить. Только зря он это сделал: тюрьмы Юра не боялся. Ну, разве что совсем чуть-чуть...

– Точно?

– А ты сомневаешься?

– Обычно сомневаюсь. Когда так говорят, сомневаюсь. А с тобой почему-то не сомневаюсь.

Сонька повернулась на бок, приласкала его взглядом, нежно провела пальцами по щеке, положила голову ему на грудь и завороченно прошептала:

– Ты большой. Ты сильный...

– Ну да, – самодовольно кивнул Юрка.

– Я тогда от тебя сбежала. И очень жалела.

– Ну, так понятное дело.

– Переживала очень...

– Еще бы.

Сонька не говорила, она бальзам на душу лила, да так, что крякать от удовольствия хотелось.

– Анька еще спрашивала, чего я в тебе такого нашла...

– Анька? – нахмурился он.

– Ну да, подружка моя.

– Да это я понял... А что во мне не так?

– Да нет, все так. Просто она симпатичных парней любит.

– Симпатичных? А я разве не симпатичный? – оскорбился Юра.

– Ну, не красавец...

Действительно, до красавчика Алена Делона ему далеко: не та у него фактура. Черты лица жесткие, грубые, он это и сам признавал. Но так ведь мужчина и не должен быть красивым, он же не женщина. В мужчине главное характер и сила.

– И Аньке ты не нравишься. Но мне все равно. Главное, что ты мне нравишься...

– Да пошла она к черту, твоя Анька!

– Ты мне нравишься. Потому что ты сильный. А я люблю сильных мужчин...

Голос у Соньки звучал искренне, и Юра должен был успокоиться, но его понесло:

– И много у тебя таких сильных мужчин было?

– Мужчин не было, – спокойно отреагировала она. – Так, был один, но он не мужчина...

– А кто? Баба?

– Ну, характер у него бабский...

Она хотела еще что-то сказать, но в это время послышался шум открываемой двери. Юра взглянул на часы с кукушкой, что висели на стене над старым плакатом с группой «Кар-Мэн». Третий час пополудни, а ее родители должны быть только вечером.

– Ой, кто это? – Сонька стремительно соскочила с кровати, смахнула со спинки стула халат, надела его и запахнулась.

А Юра так и остался в постели. Правда, простыню на себя набросил.

– Эй, ты чего? Вставай! – громким шепотом потребовала Сонька, глядя на него растерянно и вместе с тем возмущенно.

– А кого мне бояться? – ухмыльнулся он.

Ему вдруг захотелось отомстить ей за подружку Аньку, которой он не понравился. Как будто Сонька была в чем-то виновата...

Впрочем, события развивались так стремительно, что Юра не успел бы спрятаться, если бы даже захотел. Дверь в комнату распахнулась, и через порог переступил высокий нескладный мужик с таким же широковатым носом, как у Соньки. Внешнее сходство дочери и отца бросалось в глаза, но только она была полной, а этот если не тощий, то близко к тому.

– Я не понял, это что еще такое? – очумело протянул он, глядя на Юру большими от возмущения глазами.

– Ни что, а кто, – спокойно отреагировал тот.

Его внешняя невозмутимость и завидная ширина плеч, не прикрытых простыней, подействовали на мужика отрезвляюще. Понял он, что с кулаками бросаться на него как минимум небезопасно, поэтому свой гнев перенес на дочь.

– Софья, ты что себе позволяешь?

– Меня она себе позволяет, – поднимаясь с постели, с пренебрежительной ухмылкой сказал Юра. – И я ни что, а кто.

Но ни Сонька, ни ее отец, казалось, не слышали его.

– Папа, я тебе сейчас все объясню!

– Он что, изнасиловал тебя?

– Папа! Ну, как ты можешь?

– Слышь, папаша, мне одеться надо! – Движением руки Юра дал понять, что сейчас скинет с себя простынь, которой обмотал свои бедра.

– Я сейчас милицию вызову! – пригрозил разгневанный родитель.

– Чего?!. Это что, развод у вас такой?

Слышал Юра о таких махинациях, когда девушка заманивает к себе домой парня, ложится под него, а потом берет на шантаж – если не заплатишь, то сядешь за изнасилование. Сонька должна была понимать, что взять с него нечего, кроме чистой страницы в паспорте. Может, она хочет, чтобы Юра на ней женился? И такое бывает.

– Если это развод, я вас обоих урою, – зло пригрозил он.

И Сонькин отец стушевался под его взглядом. Не та в нем сила духа, чтобы тягаться с его внешней и внутренней мощью. А тут вдруг еще и с тыла его атаковали.

– Ну, чего у тебя там? – послышалось из прихожей. – Деньги где?

Мужик совсем потух, вжал голову в плечи.

А голос знакомый. И Юра вспомнил, где слышал его. Месяц-полтора назад с Витком и Аликом они возвращались с озера и нарвались на бандитов. А джип на них тогда направил именно тот браток, что подгонял сейчас Сонькиного отца. Откуда он здесь взялся?

– Из комнаты не выходи! – обращаясь к дочери, с жалким видом и тихим голосом потребовал мужик. И ушел, закрыв за собой дверь.

– Папа! – всполошенная Сонька рванулась была за ним, но Юра схватил ее за руку.

– Стоять!

Он быстро влез в брюки и сам вышел из комнаты. В коридоре и прихожей никого не было, зато в гостиной он увидел того самого бандита, который в несколько ударов смог вырубить Витка. Крепкие кулаки у этого качка, и удар очень мощный. Юре стало не по себе... Нет, страха не было, но и связываться с этим амбалом не хотелось.

Браток был один. Сонькин отец стоял на карачках, вытаскивая из-под дивана какой-то пакет, а бандит возвышался над ним на широко разведенных ногах, слегка покачиваясь на носках. В опущенной руке он держал самый настоящий пистолет – железный, вороненый, страшный и вместе с тем притягательный в своем чудовищном совершенстве.

Юра не стал заходить в комнату, но все-таки привлек к себе внимание и тут же оказался под прицелом пистолета.

– Ты кто такой? – настороженно спросил бандит.

– Да я тут был...

– Что, жену этого черта топтал? – пренебрежительно ухмыльнулся парень, глянув на мужика, копошащегося у его ног.

– Да нет, не жену. Дочь.

– Слышь, пацан, где я тебя видел?

В прихожей было сумрачно, может, потому бандит не сразу признал Юру.

– А мы с озера на мотоцикле ехали...

– Да, да, было такое!

– А ты на нас наехал! – начал заводиться Юра.

Зря бандит завел с ним этот разговор. Так бы разошлись с миром, а он больной нерв задел.

Юра хорошо помнил, как метал громы и молнии по адресу этого урода и его дружков, от которых ему досталось на орехи. В тот момент он действительно собирался спросить с бандитов за оскорбление. А потом вдруг остыл, понял, что не по силам ему тягаться с бандой, в которой каждый боец ломом подпоясан. Уж насколько Юра здорово дрался, так его, как последнего пацана, в замес пустили. Сначала Витка вырубил, а потом на него набросились. Алик парень смелый, но боец неважный, потому и не смог ему ничем помочь...

– Ну а че вы? – оскорбительно усмехнулся бандит.

Юра мог бы забыть, как лиговские пинали его ногами. Мог бы, если бы не сотрясал воздух, требуя расправы над своими обидчиками. А не было никакой расправы, не стал он искать бандитов. Теперь Виток держит его за пустозвона. И не только он один...

А амбал уже переключился на Сонькиного отца, который только что достал из картонной коробки два жгута из купюр заокеанского происхождения. Их он и протягивал братку.

– Все давай!

Бандит вырвал коробку из рук жертвы, после чего пнул его ногой в грудь, как будто имел дело не с человеком, а с каким-то гадливым псом.

– Как все? Мы же договорились на четыре тысячи!

– Деньги в банке хранить надо, а ты их в коробке держишь. Еще и под диваном. Пришли грабители, и нет у тебя денег. Я сегодня за грабителя, – гоготнул бандит, с интересом рассматривая содержимое коробки.

– Я не понял? – сжав кулаки, сквозь зубы процедил Юра.

Не стоило связываться с этим уродом, ведь он сам по себе отличный боец. К тому же за ним братва. Но Юра уже вышел из себя. Ведь он же обещал взять реванш...

– Пошел в жопу! – не глядя на него, бросил браток.

Всем своим видом он показывал, что ни в грош не ставит Юру. Грязь он для него из-под ногтей, перхоть с бомжацкой головы. Самоуверенный он и наглый до безобразия, потому и явился в этот дом за деньгами в одиночку. Таких козлов учить надо...

У Юры от возмущения слова застряли в горле. Зато кулаки развязались с потрясающей легкостью. И адреналин взорвал кровь, забрызгав ею сознание...

Рассудок вернулся к нему, когда браток упал на пол под градом его ударов. Юра пришел в себя, но не остановился. Он продолжал избивать лежачего, пока тот не затих. Не такой уж он мощный, этот бандит, если не смог устоять перед ним.

– Ты что наделал? – с ужасом смотрел на него Сонькин отец.

Страшно ему стало. Ведь спрос будет не только с Юры, но и с него. И с самой Соньки тоже могут спросить.

– Это ты наделал! – хохотнул Юра. – В штаны наделал!..

– Нас же теперь убьют!

– А это не мои проблемы... Но мой тебе совет, забирай деньги и сваливай отсюда!

Юра поднял с полу пистолет, выпавший из рук бандита, и с чувством выполненного долга вышел из дома. Сам он сваливать никуда не собирался. Это его город, и не лиговские отморозки здесь хозяева, а он. И пусть пеняют на себя, если посмеют спросить с него за своего урода...

Глава 3

Бандиты – страшная сила: у них сила, власть, деньги, оружие. А если это еще и лиговская братва... Алик прекрасно понимал, насколько он со своими друзьями слаб перед этой мощью, поэтому и хватался за голову, слушая Юрку.

– Я же сказал, что спрошу с этого урода. Я и спросил! – расправив плечи, с гордостью проговорил тот.

– И что дальше? – с озадаченным видом, но вовсе не трусливо спросил Виток.

Он – красавчик, и не только в том смысле, что симпатичный на внешность. Он и боец отличный, и с головой дружит. Пацаны в техникуме козыряли своими «тройками», дескать, не «ботаники» они там какие-то, а Виток всерьез считал их за это идиотами и ничуть не стеснялся говорить им об этом в глаза. А кто ему что в ответ скажет, если он челюсть с одного удара сломать может? Сам он учился отлично. И еще в институт после техникума собирался поступать. Потому что не дурак. Алик и сам за ним тянулся, хотел быть таким же сильным, независимым и рассудительным. И в институт он совсем не прочь поступить. Но еще больше хотел, чтобы его бабы любили так же, как и Витка. Вот уж у кого отбоя от девчонок нет, так это у него...

– Да, что дальше? – Алику пришлось набраться смелости, чтобы с претензией посмотреть на Юрку.

– Все, хватит с них. Больше я этих уродов трогать не буду, – засмеялся тот в восторге от собственного остроумия.

– Так они тебя тронут.

– А я могу и на клык дать!

– Как бы они сами тебе не насовали, – хмыкнул Виток.

– Совалка у них не выросла! – разухарился Юрка. – Хрен они со мной что сделают. А вот я их «мочить» буду! – Он вдруг сунул руку за спину, под рубашку навыпуск, и достал пистолет.

Друзья находились в своем излюбленном месте недалеко от двора, за гаражами, стены которых со всех сторон ограждали их от холодных ветров и посторонних глаз, и Юрка ничуть не боялся, что их кто-то увидит.

Алик ахнул, замороженно глядя на оружие. К искусству он относился с полнейшим равнодушием, но перед красотой оружия буквально преклонялся. Кинжалы, сабли, пистолеты, винтовки – это ли не воплощение настоящего искусства...

В руках Юрки был пистолет системы «ТТ». Далеко не самое редкое оружие, но как же оно завораживало красотой линий, стремительно и четко перетекающих от ствола к рукояти.

– Дай сюда! – Он протянул руку за оружием, как нищий за милостыней.

Юрка глянул на него с высокомерной насмешкой, взял пистолет за ствол и подал ему. Алик жадно обхватил пальцами рукоять и рванул оружие на себя. Впрочем, Юрка и не пытался удерживать его.

– Класс!

Да, пистолет самый настоящий. От волнения у Алика пересохло в горле, а ладонь, обжимающая рукоять, вспотела.

– Осторожно, он заряжен! – предупредил его Юрка.

– Круто!

Алик вдруг почувствовал себя Богом, с пренебрежением посматривающим за простыми смертными с высоты своего Олимпа. Ведь он мог забрать жизнь у того же Юрки. И Витка мог убить. Стоит только нажать на спусковой крючок.

Витка убивать не стоит. Он парень толковый, и Алика никогда не обижает. Другое дело – Юрка. Этот и нахамить может, и даже ударить.

– Эй, ты чего? – нахмурился вдруг Юрка.

– Что «чего»? – удивленно посмотрел на него Алик.

– А того! Взгляд у тебя какой-то дурной... Дай сюда!

Что-то почувствовал Юрка, потому и вырвал пистолет у него из руки.

– Да нормальный у меня взгляд, – озадаченно поскреб затылок Алик.

Не собирался он убивать Юрку, зря тот разволновался. Ну, проскочила мысль, но так это же не серьезно...

– За эту железяку особый спрос, – сказал Виток.

В отличие от Алика, он даже не пытался взять пистолет в руки, хотя смотрел на него с интересом.

– Ну, так я и отвечу! – горделиво заявил Юрка. – Все восемь раз. Сколько патронов в обойме, столько и отвечу...

– Они знают, что у тебя ствол, поэтому ты даже на курок нажать не успеешь, – резонно предположил Виток.

– Не успеешь... – согласно кивнул Алик. – Тут надо на опережение...

– Чего? – пренебрежительно бросил Юрка.

– На опережение надо играть. Не ждать, когда они подъедут, а самим начать... – Алик запнулся, испугавшись собственных слов.

– Самим начать? – с интересом посмотрел на него Юрка. – И как мы сами начнем?

– Не знаю, – растерянно мотнул головой Алик. Он уже жалел о том, что распустил язык.

– Не, идея, в принципе, неплохая, – задумался Юрка, – только с чего начать? Я даже не знаю, как этого бандюка зовут, которого я «загасил». И где он живет, не знаю...

– В Лиговской он живет, – подсказал Виток.

– А где конкретно? Не знаешь? То-то же!

– Но так и они не знают, кто ты такой. Хотя если ты у своей «телки» был, то через нее могут на тебя выйти...

– Выйдут, – вздохнул Алик. – На всех выйдут. На тебя, на меня, на всех...

– Что, очко играет? – пренебрежительно хмыкнул Юрка.

– А у тебя не играет? – вступился за Алика Виток. – Это же лиговские, они, пока с тебя не спросят, не успокоятся.

– Пусть только сунутся! – как-то не очень уверенно выдал Юрка.

– Сунутся. Обязательно сунутся. Всей толпой навалятся. И насуют по полной!

– А тебе что, страшно? Если страшно, скажи, что ты не со мной! – набросился на Витка Юрка, но сделал это не столько со злости, сколько с отчаяния.

– Я с тобой, – твердо ответил тот.

– И я тоже, – превозмогая внутреннюю слабость, кивнул Алик.

– Ну, спасибо, – растрогался Юрка.

Алик тут же воспользовался моментом и забрал у него пистолет. И вдруг снова почувствовал себя Богом, который запросто мог распоряжаться судьбами людей. Тяжесть оружия и его смертоносная красота возвышали его над собственными страхами. Да и чего ему бояться, если он сам кого хочешь может убить?

– Раз уж заварилась такая каша, надо ее расхлебывать, – удивляясь собственной смелости, сказал он. – Есть такой фильм, «Бей первым, Фредди». Ты, Юрка, уже ударил. И дальше надо бить. Пока всех не «замочим». Из этой штуки...

– Всех ты не «замочишь», – недоуменно смотрел на него Виток. – А если кого «замочишь», посадят. Если братва не убьет...

– Так мы осторожно. Сначала узнаем, сколько их там, где их ловить, а потом ударим...

– Как ты узнаешь?

– Так ведь трактир на московском шоссе. Мы подъедем и будем смотреть, куда братва разъезжается, узнаем, сколько их там, где живут...

– Да я смотрю, ты круче тухлого яйца, – насмешливо хмыкнул Виток.

– Ну, бывает, что и яйца курицу учат... – с интересом посмотрел на Алика Юрка. – А план реальный, не вопрос...

– На чем вы к трактиру подъедете, на мотоцикле?

– Нет, мотоцикл – это несерьезно, – деловито покачал головой Алик. – Машина нужна.

– С Ленкой Суховым поговорить можно, у него предки сейчас на море, а машина в гараже. Там стекла тонированные, самое то, – предложил Юрка.

Он восхищался Аликом, его смелостью, и мысль об этом приятно кружила голову. Наконец-то Алик смог попасть в центр внимания. У него пистолет, он всемогущий – сильный, смелый и, главное, умный.

– Это хорошо, если будет машина с затонированными стеклами...

– Умные вы тут, на ржач пробивает, – фыркнул Виток. – Следить они будут, «мочить». Самим не смешно? – И с важным видом спросил: – Ты, Юра, лучше скажи, зачем отец твоей Соньки деньги бандитам отдавал?

– Ну, рэкет, что тут непонятного? – пожал тот плечами.

– А почему лиговские? У нас в Заполье вроде бы Шмон рулит.

– Так, может, это, руль ему сломали, – ухмыльнулся Алик.

Шмон был старым уголовником, всю жизнь по тюрьмам, и братва при нем такая же зэковская, все сплошь наркоманы. А лиговские братки, судя по их мышцам, со спортом крепко дружат. И оружие у них серьезное. Ну а наглости им не занимать. Потому, видимо, и задвинули Шмона...

– Может, сломали, а может, нет, – покачал головой Виток. – Надо к Шмону идти. Ему эта самостоятельность вряд ли понравится. Ствол ему отдадим, расскажем, как все было...

– Куда Шмону против лиговских! – с насмешкой протянул Алик. – Он против них никто! Если они решили Заполье под себя взять, то их никто не остановит...

Заполье городок маленький, бизнес здесь чахлый, много с него не поимеешь. Но капитализм берет свое, все больше частных магазинов открывается, фирмы появляются – автосервис, мелкая мебель, пластиковые окна, все такое прочее. Потому и появился у лиговских интерес. И ведь правда, остановить их никто не сможет.

– Тогда я не вижу выхода...

Виток протянул к Алику руку и, забрав у него пистолет, стал осматривать его. С опаской осматривать, как будто это была засохшая змея, которая в любой момент могла ожить и ужалить.

– Эта штука нам не поможет, – с сожалением покачал он головой.

– Может, само все утрясется?

Только что Алик был полон наполеоновских планов, но магическая сила оружия больше не действовала на него, и он снова стал уязвим перед страхом за свою жизнь. Он еще слишком молод, чтобы умирать.

– Вряд ли, – неприязненно глянул на него Юрка.

– Но что-то же надо делать?

– Играть на опережение.

– А это реально?

Увы, Виток был прав. Глупая это затея – отслеживать бандитов. Даже если машина у них будет с затемненными окнами, все равно их могут вычислить. И жестоко наказать... Да и как справиться со всей бандой? Это нереально, ведь жизнь – не американский боевик, где главный герой укладывает своих врагов штабелями.

– Нереально, – отрезал Виток.

– И что же делать?

– Залечь на дно и ждать, когда все утрясется.

– А утрясется?

– Да. Если ствол вернем.

– Кому?

– Ну, есть же трактир на московской трассе. Туда его и подбросим. Ночью. И на дно ляжем, пока про нас не забудут. Другого выхода я не вижу.

Виток взял пистолет за ствол, протянул Юрке, но Алик его перехватил. И снова впитал в себя исходящую от него силу.

– Нет, без «воины» нам нельзя! – сказал он, прижимая пистолет к своей груди, как будто это была какая-то святыня вроде Библии, которую у него собрался отобрать заклятый враг.

– Ты хоть стрелять из нее умеешь? – хмыкнул Юрка.

– А чего здесь уметь?

Алику приходилось стрелять из мелкокалиберного пистолета в школьном тире. Кстати, стрелял он неплохо, а про «ТТ» всего лишь слышал. Там нет ручного предохранителя. Сначала нужно взвести курок, затем передернуть затвор, и тогда можно стрелять... Именно это Алик и проделал. И именно в это время в проходе между гаражами показался Костя Сомов. Узколицый, но толстозадый, хорошо, что проход между гаражами достаточно широкий, а то застрял бы ненароком.

– Пацаны, там вас чуваки какие-то ищут! – всполошенно проговорил он. – Рожи – во! – И руками показал, какой ширины у этих чуваков лица.

– И где они? – спросил Алик с таким видом, словно собирался открыть сезон охоты на мамонтов.

Он, конечно же, понимал, кто их ищет, но, как ни странно, страх не держал его за душу ледяной рукой.

– Ну, ищут вас... Ой! – Костя обалдело уставился на пистолет в его руке.

И вдруг отскочил в сторону, уловив движение за своей спиной. И правильно сделал, потому что из прохода между гаражами показался тот самый громила, которого избил и разоружил Юрка. А вслед за ним шел его дружок из тех, кто избивал Алика. Шел, сотрясая своими могучими плечами железные гаражные стенки.

– Вот они, уроды! – осатанело взвыл бандит.

Оружия у него не было, видно, не выдали ему новый ствол. Зато пистолет имелся у его дружка.

Громила не заметил Алика и, с ходу набросившись на Юрку, ударил его кулаком, затем ногой. А вот его дружок обратил внимание на пистолет в руке Алика и стал направлять на него свой ствол...

Что-то дернулось в руке, от громкого хлопка зазвенело в ушах. Бандит потрясенно смотрел на Алика налитыми кровью глазами, правая его рука опустилась, и из нее вывалился пистолет. Хватаясь за простреленную грудь, он стал медленно опускаться на землю.

Пуля у него в груди, возможно, прострелено сердце. И в этом виноват Алик, потому что это он нажал на спусковой крючок. Виноват?! Да нет, он-то ни в чем не виноват. Он всего лишь защищался, ведь его самого собирались убить...

Нет, ни в чем он не виноват. И не о чем жалеть. Стрелять, оказывается, так просто. И нет никакого мандража – руки не трясутся, никакого холода под коленями. А в пистолете еще семь патронов...

Юрка пропустил несколько ударов и упал, но за него вступился Виток, он-то и сбил с ног оборзевшего братка. Тот попробовал подняться, но наткнулся взглядом на ствол пистолета, который смотрел прямо на него. А тут еще дружок рядом корчился в предсмертных судорогах.

– Эй, парень, ты чего? – замирая, в ужасе пробормотал бандит.

– Ничего, – спокойно ответил Алик.

И нажал на спусковой крючок. Убивать совсем не страшно...

Глава 4

Нетрудно поставить точку в конце человеческой жизни, надо всего лишь нажать на спусковой крючок. Патрон в патроннике, курок взведен, ствол смотрит Соболю точно в лоб. Роджер собирался наказать его за гибель двух бойцов из своей бригады. Двух своих лучших бойцов – Стаса и Лопуха. Их застрелили запольские отморожки.

Соболь как бы ни в чем и не виноват, он всего лишь был вместе со Стасом и Лопухом, но Роджер обязан спросить с кого-то за смерть своих пацанов, поэтому и наказывал его в назидание другим. Сейчас он пристрелит Соболя, а потом отправит в Заполье своих пацанов, и те уже не подставятся под выстрелы местной шпаны – и сами погибать не станут, и друзей своих от пуля уберегут.

Все, Соболю приговорен. Ульяна смотрела на своего отца и видела, что настроен он очень решительно.

Соболь стоял перед Роджером на коленях. Он понимал, что сейчас умрет, но пощады не вымаливал. И даже голову не опустил, только глаза закрыл. Не зажмурил, а просто сомкнул веки. Страшно ему до ужаса, но виду он не подает, принимает смерть с достоинством, присущим настоящему бойцу.

Ульяна смотрела на него с уважением. И не только она одна прониклась к нему симпатией, ее отец вдруг опустил руку с пистолетом. Не смог он убить Соболя. Вот если бы тот стал умолять о пощаде, целовать ему ноги...

– Возьмешь Антоху, Рыбаря и Самоху, – дребезжащим от натуги голосом сказал Роджер. – Делай что хочешь, но этих ублюдков найди. Что с ними делать, сам знаешь.

Какое-то время Соболю смотрел на него, не в силах выдать ни слова. Он понимал, что ему подарили жизнь, но страх за свою жизнь по-прежнему держал его за горло.

– Ну, чего тарачишься? – пренебрежительно усмехнулся Роджер. – Давай, запрягай лошадей.

– Понял, босс! Все сделаю! – наконец-то растормозился Соболю.

– А что надо делать? – спросила вдруг Ульяна.

– Как «что»? – с возмущением повел бровью отец.

Во-первых, слова ей не давали. А во-вторых, она не дура и сама должна все понимать.

– Зачем искать этих отморожков, если есть менты? – стараясь сохранять невозмутимость, проговорила она с некоторым недовольством.

– А мы похожи на людей, которые обращаются за помощью к ментам? – нахмурился Роджер.

Когда-то отец работал в совхозе трактористом. В памяти Ульяны остались воспоминания, как он брал ее на руки и она нежной своей кожей ощущала грубые мозоли на его натруженных ладонях. И еще от него пахло потом – терпким, с земляным и травяным привкусом.

А потом его посадили за убийство. Пьяная драка с летальным исходом – в Лиговском такие безобразия сплошь и рядом. Через семь лет отец вернулся, а затем снова загремел на зону – на этот раз за кражу, которую он, возможно, даже не совершал. Он же судимый, на него не грех было списать пропажу совхозного имущества...

Вернулся он, когда Ульяне было семнадцать лет, двенадцать из которых она росла без отца.

Насколько она понимала, лагерным авторитетом отец не был, на зоне ходил в «мужиках». Но это не мешало ему сколотить крутую бригаду из лиговских отморожков, взять под себя поселок и оседлать дорогу на Москву, по которой текли денежные потоки. Рэкет, грабежи, наркотики, проституция...

Не был отец блатным, и не стать ему вором в законе, зря он воротил нос от ментов. Договариваться с ними надо – добычей с ними делиться, информацией, тогда и проблем будет меньше. Но не хотел он этого понимать, крутого лагерного авторитета из себя изображал. И неважно, что это у него очень хорошо получалось. Все равно крутой он, колоритный – глянешь на него, и оторопь берет. Правда, уже совсем не такой, как четырнадцать лет назад, когда Ульяна была совсем еще маленькой. Тогда у него жесткими и мозолистыми были только руки, а сейчас и душа – такая же черствая и колючая. Ему ведь ничего не стоило убить Соболя...

И еще, раньше он был Родионом, а стал вдруг Роджером.

– А не надо к ментам обращаться за помощью, – продолжала Ульяна, – они сами все сделают. Двух человек убили, это уголовное дело. А их работа – искать убийц...

– Знаю, как они ищут! – пренебрежительно скривился отец. – Если на месте не взяли, то искать не будут. Найдут козла отпущения, навесят на него «косяк», и на этап...

– Но мы-то знаем, кто Стаса и Лопоуха грохнул.

Соболь услышал выстрелы, побежал на звук и увидел за гаражами два трупа. И еще парень там был, бледный как мел, в предобморочном состоянии. Он-то и рассказал, как было дело. Это те самые запольские отморозки расправились со Стасом и Лопоухом. Виток, Юра и Алик... Соболю он все рассказал, потому что не в себе был от ужаса, но ментам и соврать мог. Все-таки Виток, Юра и Алик – его друзья.

– Там свидетель был, – продолжала Ульяна. – Как бы он на Соболя не показал...

– Кто? Этот щегол?! На меня?! – возмущенно посмотрел на нее парень.

– Ну, а вдруг?

– Да нет, не может такого быть...

– Так никто не думал, что запольские щеглы Стаса избить могут. А потом еще и убить. А ведь было. Не надо обращаться к ментам за помощью, но руку на пульсе держать надо. Да и помочь им не мешало бы. Пусть узнают, кто убил пацанов, а то вдруг танк в наш огород заедет. Оно нам надо?

– Да нет, не надо, – согласно кивнул Роджер.

– Наверняка эти запольские щеглы на дно легли, – вслух рассуждала Ульяна. – Менты их в розыск объявят, и все. А надо, чтобы они их как следует искали, можно деньгами подмазать, чтобы лучше шевелились. И еще потом подмазать, когда отморозков возьмут. Тогда они их в КПЗ до смерти забьют. Так же может быть, да, папа? – с покорностью послушной дочки посмотрела на отца Ульяна.

– Запросто, – кивнул Роджер.

Он смотрел на дочь с одобрением, но где-то в глубине глаз таилось и осуждение.

– А деньги у нас есть... Если мы Заполюск под себя берем, то с местными ментами дружить надо. Тем более это наши, районные менты.

– Ну, дружить мы с ними не станем, а на поводок посадим, – кивнул отец.

– Пусть менты работают, а мы потом урожай соберем.

– Пусть работают. Сама в Заполье поедешь, узнаешь, что там да как...

– Когда?

– А завтра. Прямо с утра. Соболь с тобой поедет. Стволы не брать. Стволы... – с озадаченным видом покачал он головой. – У этих ушлепков наши стволы...

Боевые пистолеты в магазинах не продаются, их добывать надо. За деньги, но добывать. Нелегко досталась отцу партия оружия в полтора десятка стволов. Но дело не в том. Два пистолета, которые остались у запольских отморозков, могли сыграть злую шутку с тем же Соболем, если он отправится их искать. И Антоха мог погибнуть, и Рыбарь, и Самоха...

– Вот я и говорю, пусть менты свою голову под пули подставляют, – усмехнулась Ульяна.

– Да, дела. Из-за каких-то ушлепков такой сыр-бор. Со Шмоном без проблем разобрались, а с этими – сплошной геморрой... Рыбарь, Самоха – здесь остаетесь, а мы – домой...

Кафе «Веселый Роджер» с пиратским флагом на крыше было штаб-квартирой лиговской бригады. Одна половина – для дальнобойщиков, а другая, более лучшая, – для братвы. И дорога отсюда хорошо контролируется, и точки здесь работают – одна с наркотой для водил, другая с девочками для них же. Есть еще передвижной «таможенный пункт», который останавливает дальнобойщиков прямо на дороге, снимая с них плату за проезд. Хорошо поставил дело отец, теперь он самый настоящий разбойник с большой дороги. Поэтому всегда при деньгах, поэтому и машина у него крутая, и дом новый на окраине Лиговского. Дом, в котором когда-то жил вороватый, а потому и богатый директор совхоза.

Не любил отец директора совхоза. Лютая у него к нему нелюбовь была. Ведь это Собякин обвинил его в краже трактора, который сам же и толкнул налево.

Все, нет больше Собякина. Пошел купаться на речку и утонул. Несчастный случай. И нетрудно догадаться, кто подстроил ему это несчастье. А дом утопленника взял Роджер, почти за бесценок. Большой дом, красивый, утопающий в зелени пышного сада. Два этажа, все удобства, отделка и обстановка, как в лучших домах...

Правда, мать этот дом никак не хотела признавать. Знала, чем занимался отец, и догадывалась, кто помог утонуть Собякину. Нет, она не протестовала, скандалов не закатывала, просто появлялась здесь очень редко. Так, заглянет днем, когда никого нет, порядок наведет и обратно в старый дом, где туалет на улице и вода в колодце. Дескать, хозяйство там, огород, на котором вкалывать надо. А отец и не думал ее отговаривать. Он и сам далеко не молодой, но мать для него уже старая. Он с молоденькими девочками развлекается, не зря же у него целый штат проституток. Времена нынче такие, что чуть ли не каждая поселковая девчонка мечтает быть проституткой. А Лиговский славился красивыми девушками. Одна Ульяна чего стоила. Уж она-то знала себе цену и ухаживала за собой не хуже городской крали...

Охрану отец не держал, вместо этого у него в клетке жили два волкодава, которых он на ночь выпускал гулять. Забор вокруг дома высокий, крепкий, псам через него не перепрыгнуть, но если вдруг вырвутся на свободу, порвут случайного встречного, кто посмеет спросить за это с самого Родиона Емельяновича...

Лето заканчивалось – еще вчера было жарко, а сегодня уже прохладно. В доме же хорошо, уютно. Мать утром здесь была, убралась, поесть приготовила. Правда, сейчас время ужина, и плов успел остыть, но разве Ульяна не женщина, ей что, трудно разогреть обед?

Она накрыла стол, а отец подал к нему бутылку водки.

– Бочонок рома на пиратскую семью? – весело спросила Ульяна.

Но он не принял шутки. Молча наполнил до краев два двухсотграммовых стакана, один подал ей:

– Пей!

– Вообще-то я из мелкой посуды не пью. Ты мне лучше в тазик налей, – съязвила она.

– Не умничай! Пей! – потребовал отец, настойчиво глядя ей в глаза.

– С чего это?

– А с того, что ты у нас крутой мужик. Как мужик и пей!

– Не мужик я.

– А какого ляда на отца рот открываешь?

– Я? На тебя рот открывала?

– Я Соболя на дело отправлял, зачем ты про ментов вставила?

– Ну, я просто сказала свое слово, – замялась Ульяна.

– А разве у тебя есть свое слово? – продолжал давить он.

– А разве нет? Зачем ты меня при себе держишь? Почему я при делах?

– Ты же не мать, тебе наши дела интересны, – немного смягчился Роджер.

– Но ты же меня не гонишь. А почему? Потому что тебе опора нужна. Кто такой Соболев?

Он сегодня с тобой, а завтра против тебя повернет. А я – твоя дочь, я тебя не предаю...

Отец долго и напряженно смотрел на нее, затем кивнул:

– Соображаешь... Это хорошо, что соображаешь. И про ментов ты правильно сказала... Только не надо поперед батьки лезть...

– Ну, я же дело сказала. Соболя ведь убить могут.

– Думаешь?

– Запольским отморозкам фарт идет. Может, им и дальше везти будет?

– Запросто.

– Вот я и подумала, зачем Соболю голову подставлять?

– А тебе какое до него дело?

– Ну как же, он же наш...

– У тебя с ним что-то было?

– В каком смысле?

– А в том самом, который между ног...

– С чего ты взял?

– Да видел, как ты на него сегодня смотрела.

– Ну, ты же убить его мог, а он как мужик держался.

– Мужик. И этот мужик трахнуть может. Смотри, если что, считай, это он меня трахнул.

– Думаешь, я не понимаю?

– Все вы все понимаете, – скривился Роджер. – До поры до времени.

– Значит, это время еще не пришло.

– А вдруг? Я смотрю, ты катаешься с ним...

– И завтра поеду. В Заполье. По делу.

– Сама поедешь. Ты у меня баба крутая, сама все разрулишь. Ну, давай за тебя, дочка!

– До дна? – поднимая стакан, с опаской спросила она.

– А что, не осилишь?

– Ну, не знаю...

– Если ты моя дочь, то осилишь, – усмехнулся он.

Ульяна далеко не пай-девочка – и водку ей приходилось пить, и ноги под парнями раздвигать. Но двухсотграммовый стакан – одним махом, до дна... Нет, она, конечно, попробует...

Попробовала. Слезы брызнули из глаз сразу, а дыхание перехватило на половине стакана. Она пыталась пересилить себя, сдерживая рвущуюся обратно водку, и даже выпила почти все. Почти. Но не все.

– Не моя ты дочь, – скорее в шутку, чем всерьез сказал Роджер.

Он-то свой стакан до дна осушил. И ни слезинки в глазу. Как будто воды выпил.

– А ты не мой отец! – разозлилась Ульяна.

– Почему?

– Потому что ты дурак, а я умная.

Они были вдвоем в доме – никто их не слышал, поэтому она могла позволить себе такой выпад.

– Надеюсь, это шутка? – хищно сощурился Роджер.

– А ты что, умный, если дочь свою спаиваешь?

– Почему спаиваю? Просто вот выпить с тобой захотел.

После выпитого Ульяна порядком захмелела. Но в сон ее не потянуло, напротив, захотелось веселья. А какое могло быть веселье с отцом? Хотя от повторения она не отказалась. За второй стопкой последовала третья, за ней четвертая...

– Ты очень красивая, – сказал отец, с затаенным восхищением глядя на нее.

– Я знаю.

– Ты по-настоящему красивая. По-настоящему красивой может быть только умная женщина. Умная и сильная. Ты как раз такая. Как раз такая, какая мне нужна. Ты очень хорошо

смотрелась, когда сегодня поперед батки. Мне даже завидно стало. Если вдруг со мной что-то случится, ты мое дело возьмешь, и братва тебя примет, если трахаться с кем попало не будешь. А ты любишь трахаться?

Ульяна возмущенно взглянула на отца и заплетающимся языком попросила:

– Ты себе больше не наливай.

– А что такого? Ты баба взрослая, и таскалась тут по поселку...

– Кто таскался?!

– Ты. Со Стасом трахалась? Трахалась. С Колькой Воронцовым трахалась? Трахалась...

Продолжать?

– Тебе постель постелить? – язвительно спросила она.

– Постелешь. И сама ляжешь.

– С тобой?!

– А чем я хуже других?

– Ты – мой отец...

Она вдруг протрезвела, глядя в налитые похотью глаза Роджера. Он ведь мужик здоровый, если навалится, то не вырваться.

– Ты в этом уверена?

– А разве нет? – Ульяна покосилась на дверь, и он, заметив это, сдал вдруг назад:

– Ты что, шуток не понимаешь?

– Шутки у тебя дурацкие...

– Не сердись. Просто мысль вдруг в голову пришла. Мы бы очень хорошо смотрелись вместе. Я – крутой, ты – красивая и умная. Но ты моя дочь, я не могу с тобой. А жаль...

Роджеру слегка за сорок, но зона, как известно, не самое лучшее средство от старения, поэтому выглядел он на все пятьдесят. Седые волосы, морщинистый лоб, глубокие складки вокруг носа и рта, да и тело обрюзгшее. Но даже если бы он был красавцем, Ульяна все равно не захотела бы под него лечь. Ведь он же ее отец... Как ему в голову могла прийти такая дикая мысль! Неужели совсем одичал на своей большой дороге?..

– Давай выпьем, дочка, – предложил Роджер, скручивая пробку с очередной бутылки.

– Может, хватит?

– Хватит. По одной, и разойдемся.

– Только по одной...

Они снова выпили, закусили. Но Роджер на этом не остановился. Он наполнил стопки и ласково посмотрел на Ульяну:

– Все хорошо, дочка. Не бери голову...

– Да пошел ты! – Она в гневе смахнула со стола бутылку водки вместе со своей стопкой, поднялась и стремительным шагом вышла из кухни.

Роджер преследовать ее не стал, только посмеялся вслед.

Ульяна закрылась в своей комнате, придвинула к двери комод. Если отец начнет вдруг ломиться к ней, она успеет выбраться из комнаты через окно. Там водосточная и газовая трубы – если не самая надежная, то все-таки опора для бегства. Надо быть готовой ко всему.

Глава 5

Не зря разведчики выходят в рейд ночью. И темно в это время, и враг отдыхает, и бдительность его притуплена. Так думал Виктор, пробираясь во двор собственного дома. Ночь, тихо вокруг – стрекот сверчков не в счет. И во дворе никого...

Три дня он с друзьями отсиживался в далеком дачном поселке. Нашли заброшенный домик, поселились там. Никто не знал про это место, поэтому их и не нашли. А может, и не искали. Может, никто и не знает, кто убил двух лиговских бандитов. Костя Сомов далеко не самый крутой пацан, но стукачом он никогда не был.

Для того-то и крался в ночи Виктор, чтобы узнать, как обстоят дела. Родители должны знать, что там да как. А еще деньгами могут помочь и продуктами. Это у Юрки родители бедно живут, а у него зарабатывают хорошо. Да и у Алика далеко не все благополучно в семье. Потому и вызвался Виктор на разведку, что мог разжиться у родителей наличностью и провизией, которой им там не хватало.

Во двор он заходить не стал. Обогнул дом и через палисадник стал пробираться к своему балкону. Квартира у родителей на втором этаже, на балкон забраться будет не трудно. Стучать в окно он сразу не станет, сначала прислушается, что в доме происходит. Может, засада там. Если так, то менты себя хоть чем-то да выдадут. Или бандиты... А может, и нет родителей дома. Может, лиговские отморозки вывезли их в лес и закопали.

Тревожные мысли одолевали Виктора. И, как оказалось, не зря.

Не успел он подойти к балкону, как вдруг откуда-то со стороны на него напрыгнула какая-то тень, которая тут же материализовалась в крепкое, натренированное тело с сильными руками. Виктор и опомниться не успел, как уже лежал на земле со скованными за спиной руками. Стальные наручники на запястьях, значит, это мент его атаковал.

– Старший лейтенант Кочанов. Уголовный розыск.

Точно, мент. Сначала заломал, как медведь барашка, а потом представился.

– А что я такого сделал? – возмущенно протянул Виктор.

– Так ты мне сам это и расскажешь, – усмехнулся старший лейтенант. – Вставай! Пошли!

Он не стал вызывать подмогу. И в оперативную машину не посадил, как это должно быть при задержании. Просто взял под руку и полутемными улицами повел в отделение.

Виктор мог вырваться, но куда он убежит, если руки за спиной? Кочанов его в два счета нагонит и собьет с ног. Еще и почки отобьет в наказание. У ментов это, говорят, в порядке вещей.

– Через балкон хотел? – спросил Кочанов.

– Что через балкон?

– Домой через балкон. А почему не через подъезд, как нормальные люди?

– Так родители спят, будить не хотел.

– Ну-ну...

– Что я такого сделал? За что вы меня арестовали?

– Точно, арестовал. Не задержал, а именно арестовал. Потому что постановление на твой арест есть.

– На кого, на меня? – холодея от страха, спросил Виктор.

– На Ивашова Виктора Сергеевича. Или ты не Ивашов?

В голосе старшего лейтенанта сквозила насмешка, значит, он ничуть не сомневался в том, что задержал кого надо.

– Ивашов... Только не знаю, за что меня арестовывать...

– И я не знаю, если честно.

– Зачем же тогда арестовываете?

– Приказ есть. Я тебя два дня караулил. А ведь не ты Коробова убивал. И Курбатова не ты убил.

– Не знаю таких...

– Верю. По фамилии ты их не знаешь. Но так – видел и получал от них. На дороге к озеру. Бандиты они, из Лиговского... И не ты в них стрелял, а твой друг Алик.

– Алик? Ни в кого он не стрелял.

– Думаешь, я удивлен? Нисколько. Я бы на твоём месте тоже не стал бы сдавать своего друга, – доверительным тоном произнес Кочанов. И зачем-то оглянулся. Как будто боялся, что за ними могут следить.

– А зачем его сдавать, если он ничего не сделал?

– Ну, как же не сделал? Из пистолета – сначала одного, потом другого.

– Не знаю, о чем вы говорите.

– Ты не знаешь, зато я знаю. Константина Сомова знаешь?

– Ну, знаю...

– Он все видел. И показания дал. Так что мне твое признание не нужно. – И Кочанов снова оглянулся.

– Вы чего-то боитесь?

– Не боюсь. Но вдруг дружки твои где-то рядом. Может, идут за нами, а?

– Нет никого.

Юрка и Алик ждали Виктора за городом, под железнодорожным мостом, так что пусть опер особо не напрягается.

– А где они?

– Кто «они»?

– Дружки твои. Старожилов и Лебедев.

– Без понятия...

– А жаль. Их ведь спасти надо.

– От вас?

– Да нет, от бандитов. Или ты думаешь, что лиговские вас не ищут? Ищут. Ох, как ищут...

Кочанов вел Виктора по Краснознаменной улице к райотделу милиции, но вдруг свернул вправо, в сторону городского парка.

– Эй, куда мы?

– К бандитам, – сказал старший лейтенант и еще крепче взял его под локоток. – Ждут они тебя.

– Не надо! – вырвалось у Виктора.

– Что «не надо»?

– Не надо меня к бандитам...

– Почему?

– Не надо.

– Что, страшно?

Кочанов посадил его на лавочку возле летнего кинотеатра. Днем это место довольно-таки людное, а сейчас здесь ни души. И тихо, только слышно, как ветер гоняет по земле опавшие от недавней жары листья.

– Ты же понимаешь, что бандиты с тобой сделают. Понимаешь? – настойчиво спросил опер.

– Ну, понимаю.

– Это хорошо, что понимаешь. Я знаю, эти ребята собирались вас убить, а вы всего лишь оборонялись. Поверь, я на вашей стороне и не хочу, чтобы случился самосуд. Положение очень серьезное. Братва подъезжала к нам, предлагала деньги, содействие. Ты понимаешь, что это значит?

– Что?

– А то, что перед деньгами трудно устоять. Я еще молодой, семьи у меня нет, жену и детей кормить не надо. А есть у нас такие, кому надо. В общем, если ты попадешь к нам, в милицию, то тебя сдадут бандитам. Мне ты не хочешь говорить, где твои друзья, а они эту информацию клещами из тебя вырвут.

– Но так же нельзя! – Виктор вдруг перестал чувствовать свое тело. От страха появилось ощущение, как будто его голова висит в воздухе сама по себе.

– Что «нельзя»?

– Ну, вы же милиция, вы не должны сдавать меня бандитам...

– По закону, нет. По закону мы должны с бандитами воевать. Но какие законы в нашей стране? Сейчас вся власть у бандитов, а не у нас. И сила у них, и деньги. Они что хотят сейчас, то и делают, а нам остается только закрывать глаза на их безобразия. Ну, и еще сотрудничать с ними приходится. Не все, конечно, продажные, но есть такие, кто им помогает. И среди нас такие есть.

– И что мне делать?

– Я отвезу тебя в Москву. В ГУВД по Московской области. Там пока не все так плохо, как здесь. И лиговские туда не дотянутся...

– А дальше что?

– Ничего. Ты же никого не убивал?

– Нет.

– Значит, будешь проходить по делу как свидетель.

– А зачем тогда в Москву меня везти?

– Ты не сам туда поедешь, а вместе с Лебедевым. Старожилов нас не очень интересует, он никого не убивал, а Лебедев, увы, обязан предстать перед законом. Ты должен понимать, что мы рано или поздно до него доберемся и отправим в КПЗ. А потом появятся лиговские. Как думаешь, что с ним будет?

– Ну, будет...

Лиговские пойдут на все, чтобы отомстить Алику за убийство своих друзей. А вместе с ним пострадает и сам Виктор. Ведь бандитам все равно, убивал он или нет. Он был с Аликом? Был. Значит, виноват. А с Юркой разговор будет особый, ведь это его братва искала, когда под раздачу попала.

– А его нельзя в Москву?

– Кого, Лебедева?

– Ну да, Лебедева и Старожилова...

– Можно. Туда я их и отвезу. Ты сейчас расскажешь, где они, мы их аккуратненько возьмем, и сразу же в Москву. Кстати, Старожилов тоже как свидетель пойдет.

– А с Аликом что будет?

– Думаю, суд учтет безысходность ситуации, в которой он оказался. Может, и скостят срок. Сколько ему сейчас? Восемнадцать? В двадцать восемь выйдет. В двадцать восемь лет жизнь только начинается...

– Что, на десять лет посадят?

– Ну да.

– Это много.

– Да, но за такие дела и высшую меру могут дать.

– Вот именно!

– Что «именно»?

– А то, что не найдете вы Алика. И не надо его искать. Никого он не убивал. Врет Сомов...

– Врет? А что, может, и врет, – озадаченно поскреб за ухом Кочанов. – Он же ничего не хотел говорить – не знаю, не видел. А потом с ним лиговские поговорили, после чего он

и сознался. Может, и не сознался, а ложные показания дал... Может, это кто-то из лиговских своих подельников застрелил?

– Кто застрелил? Кого? Не знаю ничего.

– Вот только в Зою Космодемьянскую играть не надо, – поморщился опер. – Положение очень серьезное, а ты глупостями занимаешься. Глупости эти тебя до добра не доведут, и ты должен это понимать.

– Да я понимаю, – тяжело вздохнул Виктор. – Только я ничего не знаю.

Скорее всего, так оно и было – бандиты подкупили ментов, а те из кожи лезут, чтобы найти Алика и Юрку. Виктора уже повязали, осталось только их достать. Если их возьмут, то бандиты предъявят им счет и просто-напросто убьют в той же камере КПЗ. Да и ему самому достанется. Так что, возможно, Кочанов действительно предлагает реальный вариант. В Москве, в областном ГУВД, бандиты до них не дотянутся. Но для того, чтобы попасть туда, Виктор должен сдать своих друзей. Сдать. А он не может этого сделать. Ни под каким предлогом. Так что зря тут распинается перед ним опер.

– И я тебя понимаю. Нельзя сдавать друзей. Я сам такой, хоть и мент. Но ситуация требует...

– Но я не знаю, где Алик. И Юрка где, не знаю. Я сам по себе был.

– Врешь!

– Не вру.

– Правильно, не врешь. Ты хитришь. Ладно, пошли в отделение, я там тебя на ночлег устрою, – резко взял Виктора под руку Кочанов.

В дежурной части его обыскали, отняли все ценные вещи, отобрали поясной ремень, сняли шнурки с кроссовок, а потом закрыли в сырой душноватой камере, где воняло сортиром и безнадежностью.

Половину пространства занимали деревянные нары, доски которых были до блеска отшлифованы телами временных арестантов. Правда, кроме Виктора, здесь никого не было. Это утешало, поскольку ему вовсе не хотелось встречаться с прожженными уголовниками.

Остаток ночи он провел в одиночестве, но утром к нему все-таки подселили соседа. Это был разнузданного вида парень лет двадцати пяти. Нахальная улыбка, хищный блеск в маленьких глазках, выдубленное лагерными ветрами лицо, золотая фикса в зубах, пальцы веером. Одним словом, классический тип бывалого уголовника.

– Ух ты, да у нас тут хата с девочками! – глядя на сокамерника, хлопнул он в ладоши, затем шлепнул ими себя по бокам и бедрам.

Виктор никак не отреагировал на его реплику. Но уголовник не собирался от него отставать.

– Подвинься, милая, – сказал он, подходя к нему.

Нары широкие, и Виктор занимал одно место, а рядом было еще три – два слева и одно справа, и ему вовсе не обязательно было двигаться. Но арестант нарочно нарывался на конфликт, чтобы затем втоптать его в грязь. Парень он не слабый на вид – среднего роста, худошавый, но жилистый, чувствовалась сила в резких движениях. И удар у него наверняка мощный. К тому же он явно был из тех, кто за кулаком в карман не лезет.

Виктор даже не шелохнулся.

– А я не понял, ты чего-то ждешь? – продолжал напирать уголовник.

Виктор промолчал.

– Все, понял. Ну, если ждешь, то, считай, дождался... – И арестант начал расстегивать молнию на своих засаленных джинсах.

Это было уже слишком.

Виктор сначала ударил его в живот кулаком, потом в грудь коленом – с подскока, от всей души. И еще коленкой, на этот раз в челюсть... Остановился он, когда парень сел на пол, вытягивая вперед руки и взывая к пощаде.

– Все, все!..

Виктор вернулся на свое место, угрожающе глядя на него.

– Ты че, бешеный? – Уголовник поднялся, схаркнул себе на ладони, глянул, много ли крови в слюне, затем пальцами нащупал золотую фикса.

– А наезжать не надо, – сквозь зубы ответил Виктор.

– Ну, извини, не устоял... Симпатичный ты пацанчик, в зоне таких любят. Ну, как баб любят... Молодой. Сколько лет?

– Восемнадцать.

– Самый смак.

– Может, заткнешься?

– Ты это, за базаром следи...

– А то что?

– Думаешь, крутой, да? Надо будет, я тебя на «перо» надену. Легко. Так что буреть не надо...

Арестант залез на нары, лег. От него воняло перегаром, крепким дешевым табаком и грязными носками. Далеко не самое приятное соседство, но выбора у Виктора не было.

– Бацилла есть? – спросил уголовник.

– Не понял.

– Ты чо, не въезжающий? Бацилла – это сигарета.

– Нет у меня сигарет, менты отобрали.

– Та же беда... – Парень засунул пальцы в щель между нарами, достал оттуда окурок. – Нормальная хата, если в схроне «грев» есть... – Таким же манером он нашел и спичку. Чиркнул ею о каблук своей разбитой туфли, закурил, с блаженством запрокинув назад голову, даже глаза зажмурил от удовольствия. – Молодой ты, ничего про нашу жизнь не знаешь. Пропадешь в зоне. На раз-два-три опустят, будешь потом на жердочке кукарекать...

– Не пропаду. Меня как свидетеля закрыли.

– Так не бывает. Свидетелей не закрывают.

– Значит, бывает...

– Натворил что?

– Да так.

– Ну, не хочешь, не говори... – зевнул арестант. – Меня чужие дела не колышут. – Он повернулся на бок лицом к стене и вскоре засопел.

Виктор ждал вызова на допрос, но про него как будто забыли. На обед подали пресный суп из прошлогодней картошки, остывшую кашу без мяса, слегка подкрашенную чем-то водичку, которая называлась компотом. Он съел все, а его сосед к своей пайке даже не прикоснулся, с презрением пояснив:

– Я такое фуфло не употребляю. Я человек уважаемый, мне братва «грев» подгонит. А баланду пусть черти хлебают...

– А если жрать хочется?

– Да без разницы. Слушай, а может, тебя за «мохнатое» дело закрыли? – встрепенулся вдруг сосед.

– За изнасилование? Нет.

– Точно нет?

– За «мокрое» дело меня закрыли.

– За «мокрое»? Убил кого-то?

– Ну, лиговских постреляли...

- Лиговских?! Ты?! – с восторженной гримасой на лице соскочил со своего места парень.
- Ну, мы...
- Ничего себе! Да у нас все только про это говорят! – Сокамерник смотрел на Виктора чуть ли не как на бога.
- Где у вас?
- Щелчок я! Не слышал? Ну, в бригаде у Шмона.
- Не слышал. Про Шмона слышал, а про тебя нет.
- Ну, не слышал и не слышал. Главное, что я тебя знаю. Как тебя кличут?
- Виток.
- Блин, Виток, такое дело ты сделал! Мы с лиговскими никак не могли справиться, а ты смог! Они теперь Заполье задними дворами обходить будут!
- Что-то не верится, – совсем не весело улыбнулся Виктор.
- Чего тебе не верится?
- Менты говорят, что они награду за наши головы назначили. Ну, типа того. Надо, говорит, в Москву меня везти, там безопасно. Ну, и меня, и пацанов моих.
- А пацаны где?
- Нет их. Менты их не достали. А хотят достать.
- Ага, потому и про лиговских заливают! Типа, лиговские со всех сторон обложили, и, если твои пацаны сдадутся, их отвезут в Москву. Так я понял?
- Ну да.
- И что, сказал, где пацаны?
- Нет.
- Вот это правильно! – восхищенно улыбнулся Щелчок. – Менты на лоха тебя развести хотели. Это у них на раз-два! Менты, волчары коварные, туману напустят, а потом хватъ за жабры. Им нельзя верить...
- Думаешь, это развод был? – глубоко задумался Виктор.
- Стопудовый развод! Вы лиговских постреляли, а мы на них наехали. Все, теперь город наш! Здесь они больше не появятся. Так что не сдавай своих пацанов. И сам ничего не бойся. Мы такого пацана, как ты, в обиду не дадим. И корешков твоих приютим. Хазу им подберем, ксивы сделаем, «мусора» их ни в жизнь не найдут...
- Ксивы?
- Ну, паспорта липовые.
- Да я понял. Ксивы – это хорошо...
- И «грев» у них будет, харчи там, марафет... «Телок» можно подогнать, ну, чтобы не скучно было, но это не я решаю. А ксивы, «грев», схрон – это реально, без балды. Или, может, это все у вас есть?
- Ну, схрон есть, – пожал плечами Виктор. – А ксив нет.
- Будут!.. Только торопиться не будем, – перешел на заговорщицкий полусшепот Щелчок. – Завтра «вертух» будет, я его хорошо знаю, он не подведет и «маляву» не сдаст. Шмон «маляву» от меня получит, ответ через него передаст. Если все на мази будет, я передам ему, где твоих пацанов искать, и Шмон их под свое крыло возьмет. Ну, если у него интерес будет. Сам понимаешь, как бывает. У меня интерес есть, а у него может и не быть. Тогда вы уж сами... Но я думаю, все будет путем. Спрячем твоих пацанов, «мусорские псы» все когти сточат, а до них не дороются.
- Виктор не был пай-мальчиком, он закалялся на уличных ветрах, потому знал, какую силу представляют блатные. Они действительно могли спрятать Алика и Юрку. Что ж, если Шмон согласится помочь им, почему бы не разыграть этот вариант?

Глава 6

Гуси бывают дикими и домашними. Но случается и такое, когда домашняя птица может стать дикой – в том смысле, что и на нее можно устроить охоту. Именно так и поступил Алик с Юркой. Они ходили на охоту в ближайшую деревню, вышли там на стаю бесхозных гусей. Алику захотелось подстрелить одного, но все-таки он сдержался: побоялся привлечь к себе внимание. Юрка голыми руками свернул гусаку шею, сгреб мертвеющую тушку в охапку, а дальше в ход пошли ноги. Впрочем, никто бы не смог их остановить, потому что у обоих были стволы. Алик пристрелил бы любого, кто посмел бы отобрать у них гуся.

В домике, где они обосновались, газовая плита отсутствовала, имелась только печка-«буржуйка», на которой запросто можно было вскипятить чайник. Гуся распотрошили, облили кипятком, ошипали, и сейчас на печке варился бульон с большими кусками мяса.

За бульоном следил Юрка, Алик же стоял у окна, наблюдая за калиткой, над которой низко склонилась криво растущая береза. Домик вроде бы бесхозный, но вдруг все-таки появятся владельцы, а еще хуже, нагрянут менты или бандиты. Что ж, если это случится, Алик готов отстреливаться. Лишь бы только момент не прозевать, а то застанут врасплох, тогда никакой пистолет не поможет.

Он смотрел в окно, когда вдруг за спиной послышался голос Витка:

– Ух, как тут у вас вкусно пахнет!

Алик дернулся, как ужаленный. Вроде бы он и держал ситуацию под контролем, но Виток перехитрил его, подобрался к дому незаметно. А если бы это были менты? Или бандиты? Прозевал он момент, прошляпил, лоханулся.

– Виток, твою мать!

И все-таки Алик гораздо больше обрадовался, чем огорчился. И Юрка улыбался во весь рот, пожимая руку другу.

– Мы думали, ты все, пропал. Ждали тебя под мостом, ждали...

– А потом сюда вернулись, да? – вроде бы весело, но с явным подвохом спросил Виток.

– Ну, вернулись...

– А меня менты замели. Вы об этом не подумали?

– Ну, была мысль, – кивнул Алик.

– А почему не слиняли отсюда?

– Зачем? Здесь нормально. Вот, на охоту ходили, гуся варим, обед будет...

– А если бы я вас ментам сдал?

– Ты?! Нас?! Да не гони беса! – натянуто улыбнулся Алик.

А ведь действительно Виток мог сдать их ментам. Пацан он хоть и надежный, но мало ли что... Ведь потому Алик и собирался отстреливаться, что не исключал такую возможность. Собирался. Только Виток его перехитрил. И менты могли так же подкрасться со спины.

– Ты бы так не говорил, если бы знал, как меня менты разводили, – с насмешкой опытного знатока сказал Виток и осторожно опустился на шаткий табурет.

– Как?

– Да так. Сначала бандитами пугали, потом «наседку» посадили.

– «Наседку»?

– Ну да, был там один, под крутого уголовника косил. Дескать, менты все врут, а он весь такой правильный. Я ему сказал, за что меня повязали, так он плясать вокруг меня начал. Типа, спасибо за то, что город от лиговских очистил, типа, Шмон по гроб жизни обязан будет и вас спрячет. Я скажу, где вас искать, а он заберет и приютит. Блин, я чуть не купился на этот развод!

– Но не купился же?

– Да нет, не купился. Он сам там про «наседку» что-то говорил. Типа, если меня за «наседку» примут, мне в зоне не жить. А почему он не может такой «наседкой» быть? Ну, я точно, конечно, не скажу, но говорить ему не стал...

– Значит, все путем? – спросил Алик и настороженно глянул в окно.

– Ну, вроде да...

– А чего вроде?

– Ты думаешь, менты меня зачем отпустили? Хитрость это. Типа, я всего лишь свидетель, обвинение мне предъявлять оснований нет, все такое. Короче, освободили они меня, а сами хвоста за мной пустили. А работать менты умеют. Я к дому подходил, через балкон хотел залезать, тут черт на меня как напрыгнет. Короче, без шансов. Знал ведь, где меня «пасти». Умеют они работать. Но я-то догадывался, что за мной хвост, поэтому домой пошел. А ночью через балкон, и деру. Никто за мной не гнался. Дворами бежал, закоулками, три дня лесом, три дня полем...

– Точно хвоста нет?

– Точно, – уверенно кивнул Виток. – Нормально все. А «пасли» меня, по ходу, не только менты. Там еще «девятка» белая под окнами у нас стояла. Стекла темные. Таких тачек у нас ни у кого нет. Ну, может, и не лиговские это... Может, правду мент говорил, и лиговские действительно цену за наши головы назначили...

– Что тебе мент говорил?

– А то, что купили их там всех. Они нас ищут, а лиговские убивают. С их помощью и убивают. Что-то вроде того.

– А менты нас ищут, – вздохнул Алик.

– Ищут. И в первую очередь тебя.

– Они знают, кто стрелял?

– Сомов тебя сдал.

– Вот падла! Я ж ему башку прострелю! – Алик вдруг поймал себя на мысли, что сделал бы это с великим удовольствием.

– Сначала не хотел сдавать, но лиговские на него наехали...

– Так и мы наедем! Чем мы хуже лиговских? Какой там у нас счет? Два-ноль?

– Ну, счет и сравнять можно.

– А хрена лысого!

– Да не колотись ты, Алик, – поморщился Юрка. – И без того тошно...

– Кому тошно? Мне тошно! Потому что на мне два трупа! Меня судить будут!

Алика переполняли эмоции, но при этом он не чувствовал себя животным, загнанным в ловушку, и свято верил, что пистолет, которым он теперь владел безраздельно, поможет ему выкрутиться из ситуации.

– Тебе ничего не будет, а мне вышку дадут!

– Да уж, хорошего мало, – сочувственно посмотрел на него Виток.

– И что теперь делать?

Алик знал ответ на свой вопрос, просто хотел услышать, что друзья ему посоветуют.

– Под лежащий камень вода не течет, – кивнул Виток. – Круче мы лиговских или нет, но мы должны наехать на Сомова. Обвинение против тебя на его показаниях держится, и он должен отказаться от них.

– Он откажется, а бандиты на него снова наедут! Нам что, снова тогда на него наезжать?

– Что ты предлагаешь?

– Сом – предатель! «Мочить» его надо! Тогда никаких вопросов не будет!

– Ну, Сом, конечно, скозлил, – покачал головой Юрка, – но «мочить» его – это слишком... Да и кто это сделает?

– Я сделаю! – ничуть не сомневаясь в своих способностях, выкрикнул Алик.

– Что, и рука не дрогнет? – внимательно и, кажется, с осуждением взглянул на него Виток.
– А я не хочу, чтобы у меня рука дрожала, когда мне лоб зеленой будут мазать!
– Нельзя Сома трогать, – резко махнул рукой Юрка. – Он хоть и сквозил, но все-таки он наш пацан. Тогда за гаражи он забежал, чтобы нас предупредить. И наезжать на него нельзя...

– Это еще почему?

– А потому что Витка «пасли». И Сома «пасти» будут. Только мы возле него появимся, как нас тут же заметут...

– Умный ты! – огрызнулся Алик.

– Менты могут замести, – кивнул Виток. – А могут и бандиты на вилы взять...

– Значит, с ними решать надо.

– Как?

– А вот как! Они там в своем трактире тусуются, а у нас два ствола, подойдем, и всех на хрен! Не будем никого выслеживать, на шару всех сделаем! – Алик направил ствол своего пистолета на незримого врага, в своем воображении нажал на спусковой крючок и тут же перевел оружие на новую цель.

– У тебя все дома? – как на чокнутого, посмотрел на него Юрка.

– Меня самого нету дома! В бегах я! И мне вышка светит! Высокая такая вышка! И с нее как-то прыгивать надо!

– Надо через Сома решить. – Виток сделал руками движение, каким рефери выводит боксеров из клинча. – Сами на него наезжать не будем, пацанов подключим. К Лихачу подьем, объясним ситуацию, он поговорит с Костей...

– А что, вариант! – приободрился Юрка.

Алик с досадой посмотрел на него. Юрке-то ничего особо не грозило, поэтому и не хотел он идти на крайности. А у Алика выхода не было – или «мочит» всех, или сам идет под вышку...

– Давай прямо сегодня к нему и пойдем, – вызвался Юрка. – Алика здесь оставим, а сами к Лихачу ходим. Ночью.

– Так и сделаем, – деловито кивнул Виток.

Он пришел не с пустыми руками. В его рюкзаке лежали хлеб, колбаса полукопченая, большой шмат сала, консервы, соль, спички. И еще деньги он принес.

Наелись все досыта, а потом завалились спать, чтобы набраться сил перед беспокойной ночью. Алик должен был оставаться в домике, но нет, как только Виток и Юрка ушли, он тут же сорвался с места и отправился к московскому шоссе. Пешком протопал километров пять, пока вышел к нему. Но еще надо было проехать втрое больше, чтобы добраться до придорожного кафе, которое облюбовали лиговские бандиты, поэтому он начал «голосовать».

Один из дальнобойщиков сжалился над парнем и остановился. Алик сел в машину и отвернул голову от водителя, делая вид, что любителю ночным пейзажем за окном. Не хотел он, чтобы тот запомнил его лицо. За километр от кафе он попросил притормозить и дальше отправился пешком. Правда, вскоре выяснилось, что с расстоянием немного не рассчитал: не один километр пришлось шагать, а как минимум три.

Но, как бы то ни было, Алик дошел до своей цели. Поворот на Лиговку, за ним – длинное неказистое строение из тесаных бревен под шиферной крышей, площадка, на которой стояло несколько фур. Бандиты ведь не только грабили дальнобойщиков, они их еще и охраняли – за определенную таксу, разумеется. Еще и травку мужикам продавали, и дешевых шлюх им поставляли.

Возле кафе стояла еще и легковая машина. Иномарка. Это уже бандитский транспорт. Значит, братва сейчас в кафе заседает. Алика так и подмывало зайти туда и перестрелять всех, кто там находится. Но у него в обойме всего восемь патронов, а людей в кафе может оказаться больше. Да и не факт, что на каждую цель уйдет по одной пуле. Но если он сможет завалить

всех, его может кто-то увидеть, на веранде кафе горят лампочки, и в их свете Алика легко «сфотографировать» взглядом. Зато к иномарке легко подойти незамеченным. Там покрышки с грузовиков в штабеля уложены, и за ними можно спрятаться. Что Алик и сделал.

Не зря говорят, что на ловца и зверь бежит. Не прошло и часу, как из трактира вышли трое – в кожанках поверх маек-борцовок, с цепями на крепких шеях. В свете лампочки Алик сумел разглядеть и узнать одного из них. Этот тип был третьим из той компании, со встречи с которой все и началось. Двоих Алик уже пристрелил, а этого сама судьба ведет к нему в руки. Бабы с ним, правда, не было, но с женщинами Алик пока не воюет, особенно с красивыми...

Один бандит сел за руль, другой, с его стороны, забрался назад, а третий обошел машину, чтобы открыть правую переднюю дверь. Вот тогда Алик и вышел из-за своего укрытия.

Мандража не было, мысли не путались. Он отдавал себе отчет в своих действиях, ноги его слушались, рука с пистолетом не дрожала, и палец не холодел на спусковом крючке. А главное, не было никаких сомнений.

Бандит даже не заметил его. В машину он садился боком, о чем-то разговаривая с водителем. Пьяный он, движения заторможенные, зато Алик – сама стремительность, палец его легко нажал на спусковой крючок.

Он прострелил бандиту голову и тут же выстрелил в водителя, хладнокровно и уверенно удерживая пистолет на линии прицеливания. Следующим на очереди был браток с заднего сиденья. Не думал он, усаживаясь в машину, что загоняет себя в ловушку. Но именно так все и произошло...

Глава 7

Легко восхищаться чужим самообладанием, гораздо труднее самой сохранять его. Ульяна хорошо помнила, с каким достоинством Соболев собирался принять смерть. Именно смелость и выдержка спасли его от расправы. А ей сейчас на что рассчитывать? Ведь гнев Роджера теперь направлен на нее.

– Менты, говоришь, работу свою знают? – орал он, со злостью глядя на нее.

Кроме них, в доме никого не было. И пистолет у отца за поясом. Не собирается он стрелять в нее. Пока не собирается. Но все может быть, ведь он бешеный, к тому же и пьяный.

– Менты, говоришь, нам помогут? Помогли?.. Я спрашиваю, помогли?

– Ну, они же работали... Одного даже взяли... – в страхе пробормотала Ульяна. Не в том она сейчас положении, чтобы огрызаться.

– Взяли. И упустили.

– Ну, так они хотели как лучше. Да и Соболев на подхвате был. И менты его упустили, и Соболев тоже виноват...

Ульяна сама договаривалась с ментами, держала руку на пульсе событий. И Соболев ей помогал. Но нет больше Соболева. И Самоху застрелили, и Рыбаря.

– А на Соболева валить не надо! Соболев за свой «косяк» ответил! И ты ответишь!

Ульяна с ужасом смотрела, как Роджер достает из-за пояса пистолет. Ну вот, началось...

– Папа, ты не можешь!

Она в панике протянула руки, чтобы схватиться за ствол пистолета и отвести от себя беду. Но Роджер, отшагнув назад, передернул затвор, и ее парализовало от страха.

– Какой я тебе, к черту, папа? – с демоническим злорадством ухмыльнулся он. – Твоего папу черви давно уже сожрали!

– Что ты такое говоришь?

– Не дочь ты мне, поняла?

– Я тебя не понимаю!

– Поймешь. На том свете своего папашу встретишь, он тебе все объяснит.

– Ты пьян!

– Пьян. Но учти, или я тебя сейчас пристрелю, или... – Он замолчал, глядя на нее бесноватыми от похоти глазами.

– Что или? – жалко пробормотала Ульяна.

– Раздевайся!

– Что?

– Я сказал, раздевайся...

– Не надо!

Роджер поднял ствол пистолета и выстрелил в потолок. От грохота у Ульяны заложило уши. И страх за свою жизнь усилился настолько, что полностью парализовал ее. Он стащил с нее блузку, снял юбку и уложил на кровать...

– Ну, будет тебе! С кем не бывает! – по-хозяйски шлепнул ее Роджер по бедру.

– Ни с кем такого не бывает! – сквозь зубы процедила Ульяна. Она готова была убить насильника, но у того пистолет под рукой. Да и голыми руками он запросто мог ее задушить. – Чтобы отец свою дочь...

– Да, и такое бывает. Но не с нами. Я же сказал, что не отец тебе...

– И кто тебе поверит?

– А ты у матери спроси, она расскажет, как нагуляла тебя от Славки Коновалова... Ты думаешь, за что я его убил?

– Врешь ты все!

- Не вру. Ты к Славке на могилку сходи, там фотка его, ты на него похожа...
- И ты его за это убил?
- А я обид не прощаю...
- Вот и хорошо.
- Что, хорошо?
- Что ты не мой отец. Повеситься можно, зная, что у тебя такой отец. Сволочь ты!
- Давай, ругайся, легче станет, – ухмыльнулся Роджер.
- Легче мне станет, если я тебе пристрелю!
- Да? Ну, держи! – Он вдруг резко поднялся с постели, бросил ей пистолет и встал в позу

«стреляй в грудь коммуниста».

А ведь когда-то он действительно был коммунистом. И даже примером для подражания. Его фотография на Доске почета висела. А потом все вдруг кувырком пошло... И ведь не зря, оказывается, он убил какого-то там Коновалова. И сейчас подставлял грудь под пули. И не было страха у него в глазах, только вызов.

Ульяна взяла пистолет, передернула затвор, как он сам ее этому когда-то учил. Стрелять она умеет, да и трудно промазать с двух метров.

– Ну, чего ты? Стреляй! – выкрикнул Роджер.

– И выстрелю!

– Стреляй!!

– И выстрелю!! – Она повела пистолетом вперед, и тут же потянула его назад. Снова вперед, уже чуть дальше прежнего. Но снова назад. Нервы, нервы!

– Стреляй!!!

– И выстрелю!!!

Решившись, Ульяна вытянула руки на всю длину, но тут Роджер ловко перехватил пистолет и выдернул из ее ладони.

– Не смогла ты выстрелить... И не сможешь...

– И все равно ты – сволочь!

Она рухнула на постель, забралась под одеяло и носом зарылась в подушку.

– Ты прости, что так получилось, – нехотя извинился Роджер.

– Пошел, знаешь куда!

– Ну, не смог стерпеть... Красивая ты. Очень красивая. Сил не было на тебя смотреть. Еле сдерживался. Не сдержался вот...

– Ага, песок сыплется, недержание, старческие маразмы, да?

– Ну, я, конечно, не молодой, но ведь ты сама хотела!

– Я хотела?! – потрясенная такой наглостью, уставилась на него Ульяна.

– А разве нет? Я уже подъезжал к тебе, давал понять, чего хочу. И ты все поняла, но к матери не переехала, здесь осталась...

– Ты бы меня и там достал. Потому что ты мразь, Горохов! Для тебя ничего святого нет. Как же, за Соболя он хотел с меня спросить! Да плевать тебе на него! Главное, страху на меня нагнать... Сука ты!

– Сука – это ты, – спокойно отреагировал он. – А я – кобель. Сука не захочет, кобель не вскочит. Если бы ты не захотела, уехала бы куда-нибудь...

– Куда?

– Я же говорю, куда-нибудь.

– Без денег?

– Хочешь сказать, что ты мне за деньги отдалась? – едко усмехнулся он. – А что? Со мной тебе по кайфу. И дом, и деньги, и положение... Скоро на Москву пойдем. Денег наколотим, а там бизнес откроем. Один ресторан, другой... Квартиру с видом на Кремль купим...

– Ты сначала с Заполем разберись. Тебя оттуда поганой метлой погнали, как бешеную собаку...

– Бывают в жизни неприятности. – Роджер нахмурился, но из себя не вышел.

– Это как раз про тебя, – зло усмехнулась Ульяна.

– Что про меня?

Она хотела сказать, что главная в ее жизни неприятность – это он сам, но промолчала. Хватит толочь воду в ступе. Чего бы они сейчас друг другу ни наговорили, ничего уже не изменишь. Роджер изнасиловал ее – это факт. Он совершил непростительную ошибку и заслуживал наказания. Но сейчас Ульяна не станет ничего делать. В конце концов, она не девочка, чтобы с истерическим визгом оплакивать свою невинность. И убивать Роджера глупо. Это и грех на душу, и уголовная статья, и проклятие братвы. Можно упокоить его прямо сейчас, а потом податься в бега. Но куда она пойдет, кому будет нужна без денег, без крепкого мужского плеча, на которое можно опереться? В общем, не станет она делать глупостей. Она, как та змея, заберется под камень, защищающий ее от всяких напастей, а там будет видно – смертельно жалить или дальше наслаждаться жизнью в тени своего покровителя...

Непозволительно поступил Роджер, и нет ему прощения. Но вдруг она все-таки простит его?..

В сказке золоченая карета может образоваться из тыквы, но и в реальной жизни случается волшебство. Так, например, две пачки сто долларовых купюр превратились в серебристый «БВМ». Машина слегка подержанная, но без пробега по ухабам стран СНГ. Это «волшебник» Роджер так решил загладить свою вину перед Ульяной. Получил деньги с реализации товара из угнанного грузовика и вместе с ней отправился в Москву. Интересная была поездка – авто-салон, ресторан, ночь в гостинице. Ульяна напилась тогда почти до беспамятства, потому что знала, во что все это выльется. И точно, дорогой «папочка» в ту ночь залез на нее без всякого зазрения совести, как будто так и надо. Она не возражала, потому что в тот момент вообще ничего не соображала. Хотя и догадалась представить на месте Роджера симпатичного молодого парня. На ум почему-то пришел Ивашов, тот самый красавчик из Заполя, который не побоялся принять вызов Стаса и который потом вместе со своими друзьями так жестоко отомстил за свое поражение...

Именно сейчас об этом красавчике и должен был пойти разговор.

Капитан Желудев сел к Ульяне в машину, осмотрелся, принялся, выражением глаз давая понять, что ему нравится запах кожаного салона. А может, ему больше нравился аромат ее французских духов. Впрочем, если у него и были какие-то скабрзные мысли насчет Ульяны, то ничего ему на этот счет не светит. Ну, не может у нее возникнуть никаких чувств к продажному менту.

– Неплохая у тебя тачка, – с плохо скрытой завистью сказал он. И тут же последовал каверзный вопрос: – На какие, интересно, деньги?

– На преступные, – ничуть не смутилась Ульяна.

– Информация на днях прошла, фура с корейскими телевизорами пропала, – забросил он удочку.

– И что?

– Да ничего. Только когда-нибудь вашим, э-э, бизнесом займутся всерьез.

– Когда-нибудь.

– Может быть, очень скоро... Пять трупов с вашей стороны, областное начальство уже заинтересовалось. Пять трупов – и все бандиты...

– Кто говорит, что бандиты? Вы же сами сказали, что все убитые – обычные законопослушные граждане, – не без ехидства парировала она.

– Есть уголовно-правовые нормы, а есть оперативная информация. А по оперативным данным, все ваши покойники – бандиты. И отношение к ним соответствующее.

– А к тем, кто их убил, какое отношение?

– А кто их убил?

– Вот я и хотела бы это знать.

– Все пятеро были убиты из одного пистолета.

– А кто убил Коробова и Курбатова, вам известно?

– Не совсем.

– Что значит, не совсем?

– Свидетель изменил свои показания. Он сказал, что дал их под нажимом лиговских бандитов. Он даже был на опознании трупов. Последних трех трупов, – уточнил Желудев. – Двоих он узнал. Они приезжали к нему, требовали, чтобы он обвинил в убийстве Коробова и Курбатова кого-нибудь из этих – Ивашова, Лебедева и Старожилова...

– Так Лебедев и убивал.

– Кто убивал, видели только Сомов и Соболев. Соболев убит, а Сомов отказался от показаний и дал новые. Коробова и Курбатова убил сам Соболев...

– И вы ему верите?

– Свидетель для нас – это святое, – нахально усмехнулся капитан. – Как святому не верить?

– Но свидетеля можно переубедить.

– И кто это делает?

– Вы.

– Это не в моей компетенции.

– Почему?

– А что я могу сделать? Закрыть его в своем кабинете и надеть на голову противогаз? Так он потом поднимет шум, вмешается прокуратура...

– А если очень захотеть?

– А разве вы не можете переубедить Сомова? – вопросом на вопрос с ехидцей ответил Желудев. – Это же просто, подъехали, поговорили...

– Хорошо, мы это сделаем.

Не такая уж большая бригада у Роджера, всего шестнадцать бойцов, причем лучшие из них погибли, осталась только посредственность, способная только на то, чтобы дальнобойщиков пугать, наркотой торговать да проституток по точкам развозить. Основную ставку Роджер делал как раз на Стаса, Лопуха, Соболя, Самоху и Рыбаря. Были еще Кокс, Ванюха и Казак, но эти работали по фурам, причем с большим толком – их Роджер в Заполье ни под каким предлогом не отправит. А посылать сюда бойцов попроще, пока запольским отморозкам прет фарт, опасно. Наедут они на Сомова, а в ответ прилетят пули. Ведь запольские отморозки не только убили Соболя, Самоху и Рыбаря, они еще их и разоружили. Красиво тогда все сделали – быстро, четко и без нервов...

– Вот тогда и поговорим. А пока что дела у вас неважные. В смысле, не можем мы привлечь Ивашова, Лебедева и Старожилова. Оснований нет...

– Ну ладно, пусть Соболев убил Коробова и Курбатова. Но разве он убил Самохина и Рыбацкого? Он сам ведь тогда погиб.

– А их кто-то из ваших мог убить. Из его пистолета. А разве нет?

– Нет.

– Ну, это ты так говоришь, а следствие думает иначе.

– И что думает следствие?

– А то, что вам лучше залечь на дно и не высовываться. Хотя бы какое-то время.

– Даже так?

– Работать с вами будут. Не думаю, что всерьез. По стране сейчас столько криминальных убийств, что не до вас. Но на заметку точно возьмут, а там до разработки недалеко. А если вас в разработку возьмут, долго не протянете...

– Но пока все спокойно? – встревоженно спросила Ульяна.

– Относительно. Пока мы вами своими силами занимаемся. Но если подключится Москва...

– Но вы же предупредите, если вдруг что?

– Ну, я не знаю... По-хорошему, я должен сейчас взять тебя под белы ручки, доставить в отделение и привлечь за оказание давления на следствие. Но у нас особые отношения, так? Правда, эти отношения уже заканчиваются.

– Почему?

– А потому что соловей баснями сыт не будет.

– Но так ничего же не сделано! – Ульяну возмутило, что Желудев намекает на дополнительное вознаграждение. – Лебедев на свободе, Ивашов на свободе, Старожилов на свободе.

– На свободе, но в розыске. «Сторожок» с них никто пока не снимал. Хотя и должны снять, если Коробова и Курбатова убил Соболев. А судя по всему, так все и было...

– А убийц Соболева ищут среди наших?

– Да, есть подозрения...

– Все с ног на голову.

– А не надо было в Заполье лезть! – повысил вдруг голос капитан. – Не надо было здесь беспредел разводить! Тихо здесь было, пока вы сюда не сунулись...

– Тихо было. И на лапу за содействие никто не давал.

– А кто кому что давал? Если вы мне давали, где доказательства? Нет ничего.

– Есть.

– Что есть?

– Видео есть. Мы на пленку сняли, как ты на лапу брал, – соврала Ульяна.

– Блефуешь, девочка, – раскусил ее Желудев. – Смотри, как бы блевать не пришлось. Я тебе не друг, могу и в камеру закрыть, к прожженным коблам, они тебе устроят сладкую жизнь...

– Вот только угрожать мне не надо, – спокойно ответила Ульяна, хотя внутренне вся напряглась.

Но Желудев даже ухом не повел.

– Короче, завтра подвезешь мне тридцать тысяч долларов, – заявил он.

– Сколько?! – оторопела от такой наглости Ульяна.

Обнаглел мент. Почувствовал, что называется, слабину. Раньше боялся лиговских так же, как и все в этом городе, а сейчас до него вдруг дошло, что страхи эти преувеличены, поэтому и борзеть начал. До того, как погиб Соболев, а с ним Самоха и Рыбарь, он и пяти тысячам был рад, а сейчас вдруг тридцать ему подавай.

– Сколько слышала.

– А ничего не треснет?

– Треснуло у вас. А мы вас дожать можем. И чтобы этого не случилось, с вас для начала тридцать «штук».

– Для начала?

– Ну да. Вам же платят за «крышу». И вы будете платить за «крышу». За нашу «крышу».

– Это беспредел!

– А ваша братия другого языка не понимает... Хочешь, мы вам «стрелку» забьем? Подъем прямо к вашему «Веселому Роджеру» с мигалками и всех ваших в воронки загрузим. А потом и поселок ваш зачистим...

– А не надорвешься?

– Все может быть. Но я почему-то верю, что со мной все в порядке будет, а вот с вами – нет... Ну, так что, померяемся силами?

Ульяна понимала: если менты пойдут на принцип, то крови они попортят немало. Опасно с ними связываться, поэтому никаких соревнований. Лучше под «крышу» к ним встать, так безопасней. Хотя и не факт.

– Тридцать тысяч – это слишком много, – покачала она головой.

– А мне почему-то кажется, что слишком мало, – нагло ухмыльнулся Желудев и постучал по торпеде автомобиля. Дескать, если были деньги на «БМВ», то на ментов и подавно найдутся.

А ведь она подъехала к Желудеву на этой машине, чтобы показать, насколько круто у них поставлено дело. Как раз для того это и сделала, чтобы он боялся и не зазнавался. Хотела как лучше...

– Я должна посоветоваться со своими.

– Советуйся. Сегодня советуйся, а завтра деньги... Пусть твой Роджер их и подвезет. А ты, девочка, лучше дома оставайся... – Капитан легонько ткнул пальцем в ее голую коленку: – Я знаю, ты – дочь Роджера и пытаешься изображать из себя крутую атаманскую дочку. Но зря ты это затеяла, такие игры, как правило, плохо заканчиваются...

– Я же просила, не надо меня пугать. – Ульяна плюнула на пальцы и протерла ими коленку в том месте, где Желудев касался ее.

– Я не пугаю, я предостерегаю, а ты уж там сама все решай. Я, в принципе, не против. Девочка ты красивая, а в КПЗ у нас скучно, будем ходить к тебе в камеру развлекаться...

Ульяна так возмутилась, что хотела заорать на него, но все-таки сдержалась. Но вовсе не потому, что побоялась его обидеть. Просто истерика – это признак слабости, а она не могла сейчас выглядеть неудачницей.

– Лучшее развлечение – это хорошо выпить. Смотри, как бы твоим друзьям не пришлось выпить на твоей могилке.

– Это все слова, – ничуть не разозлился Желудев. – А реальность такова, что вам придется с нами делиться. Для начала тридцать тысяч, а там будет видно.

– Для начала вы должны сожрать Ивашова, Лебедева и Старожилова, там будет видно, нужны вы нам или нет.

– Что ж, клиент вправе требовать работу за свои деньги. Что-нибудь придумаем.

Домой Ульяна возвращалась в расстроенных чувствах. Вроде бы и договорилась с ментами, но тридцать тысяч долларов – это слишком высокая цена за сотрудничество. Проще киллера нанять за эти деньги... Но в то же время она понимала, что ментовская «крыша» Роджеру очень нужна. Только вот поймет ли это он? Может, и поймет, но наверняка устроит ей выволочку за тридцать тысяч. И, конечно же, сделает это в постели. А так не хотелось ложиться под эту сволочь...

Глава 8

Приятное это чувство, когда девушка вешается тебе на шею. А сейчас так и вовсе приятно тискать хоть и жирное, но все-таки упругое и сочное тело Соньки.

– Я так по тебе соскучилась! – жарко задышала она ему на ухо.

– Я не один.

Вслед за ним в квартиру вошли Виток и Алик, но Сонька была далека от того, чтобы их прогнать. Да и как она бы смогла это сделать, если сила за ними, а не за ней?

– Предки дома?

– Нет, – мотнула она головой.

– Когда будут?

– Вечером.

Сонькин отец Юру нисколько не пугал. Как раз наоборот, он был совсем не прочь поговорить с ним о делах насущных.

Так уж вышло, что теперь сила на их стороне.

Юра хорошо помнил, как он разговаривал с Лихачом. Тот уже тогда говорил с ними, как равный с равными, хотя раньше не раз демонстрировал свое превосходство. Ведь он и по возрасту старше, и в армии служил, и на дискотеке первый парень, не чета им. Лихач уже знал, кто убил двух лиговских, и легко согласился поговорить с Костей Сомовым. Только тот побоялся идти в милицию, потому что до чертиков боялся лиговских.

В свой схрон они тогда с Витком вернулись утром, злые и уставшие. И тут вдруг выяснилось, что Алик застрелил трех бандитов и забрал у них оружие – пистолеты «ТТ». Надо было видеть, как надувался от гордости Алик. И он действительно заслуживал восхищения. Когда в Заполье узнали, что еще троих лиговских не стало, Сомов сам пошел в милицию отказываться от своего заявления. Понял, что вслед за тремя лиговскими отморожками на тот свет может отправиться и он сам.

Виток ходил в город на разведку и услышал, что говорит улица про их боевую троицу. Никто точно не знал, кто прикончил лиговских бандитов у «Веселого Роджера», но все были уверены, что это их рук дело. Мало того, что Юру и его друзей зауважали, так сам Лихач вдруг решил присоединиться к их компании. Мало того, предложил создать свою бригаду, чтобы дальше воевать с лиговскими. И еще несколько пацанов попросились к ним в команду. Несколько стоящих пацанов... А почему нет? Почему бы не повоевать за место под запольским солнцем?

Именно поэтому Юра здесь, у Соньки в квартире. И к ее отцу разговор есть, да и спартанские условия надоели. Хватит скитаться по дачам, когда есть квартиры со всеми удобствами. Тем более что менты Юру и Алика не очень-то ищут. И все потому, что Сомов изменил свои показания. Оказывается, бандитов за гаражами убили свои же. А кто устроил расправу возле «Веселого Роджера»? Так это могла быть месть дальнобойщиков или внутренние разборки. У Сомова теперь контакты в милиции, он-то и сообщает, каким ходом и в каком направлении движется следствие. Пока все путем, но все-таки лучше лишний раз перед ментами не «светиться». И хорошо, если Сонькины родители приютят их на пару деньков. Впрочем, куда они денутся?

– Кофе будете? – Сонька с интересом смотрела на Витка.

– Какой кофе? Мы жрать хотим, – встал между ней и своим другом Юра.

Ревности, может, и не было, но при этом ему вовсе не хотелось, чтобы Сонька западала на Витка, на этого красавчика, от которого теряют голову если не все, то многие женщины.

– Мы из леса вернулись, – с залихватской ухмылкой сказал Алик. – От немцев на болотах прятались.

Он вдруг подошел к Соньке и вроде как по-дружески обнял ее за талию – ненадолго, на секунду-другую. Юра нахмурился. Алик ему не конкурент, Сонька к нему в постель точно не переметнется, но ему не нравилось, как бурно ведет себя Алик. Раньше он на вторых ролях был, а тут вдруг первую скрипку на себя взял. Ну да, он же первый боец на деревне, пять трупов у него на счету...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.